

Звезда Маир

Заповедные рубежи

12+

Константин Рыжов

Константин Рыжов

Звезда Маир

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Рыжов К. В.

Звезда Маир / К. В. Рыжов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Анжелика и представить не могла, что, получив в подарок готическую куклу, окажется втянутой в невероятные, фантастические события. Сначала внезапная болезнь мамы, потом встреча с таинственным карликом и, наконец, явление давно умершей сестры-близняшки Вероники, которая увлекает Анжелику в призрачную потустороннюю реальность, именуемую Аирбом. Странствуя по ее причудливым мирам, Анжелика узнает, что смерть всего лишь обратная сторона жизни и что умершие в одной реальности продолжают существовать в другой. Она и ее новые друзья противостоят вселенской интриге темного мага Морврана, сумевшего завладеть легендарным Копьем Всевластья.

Содержание

Пролог. Копье и Кровь	6
Часть I	11
1. Кукла и зеркало	11
2. Подарок	17
3. День рождения	22
4. Анжелика одна	27
5. Зеркало и кукла	32
6. Дьявольская трапеза	36
7. Сестры	44
8. Та и эта реальности	50
9. Жрицы Весты	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Константин Рыжов

Звезда Маир

"Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарён прекрасною звездою
Далёкий мир..."

"Там, в сиянье ясного Маира,
Всё цветет, всё радостно поёт.
Там, в сиянье ясного Маира,
В колыханье светлого эфира,
Мир иной таинственно живёт..."

"Мы скоро с тобою
Умрём на земле, —
Мы вместе с тобою
Уйдём на Ойле...
И всё, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что Солнце скрывает,
Покажет Маир..."

Ф. Сологуб

Пролог. Копье и Кровь

Бывает так, что весь мир сходится в точку, и тогда крохотный пяточок земли расширяется до размеров Вселенной. Бывает так, что прошлое сливается с будущим, и тогда текущая минута растягивается в Вечность. Исчезает далекое и близкое, рассеивается давнее и грядущее, остается только Здесь и Сейчас, а все остальное не имеет смысла...

Двое мужчин, которые стоят рядом с округлой и гладкой, как череп, скалой, переживают как раз такую минуту. Один из них плотный и низкий с густой курчавой бородой. На нем темно-синий плащ из тонкой шерстяной материи и чалма. Второй – худощавый, с мягкими одухотворенными чертами лица. У него короткая бородка, но нет усов. Его плащ окрашен в коричневый цвет, а голову прикрывает маленькая шапочка. Оба выглядят несчастными и потрясенными. И оба, не отрываясь, вот уже целую Вечность смотрят в одну и ту же точку – на вершину скалы...

Там – три креста. Ножка каждого из них – это обтесанное дубовое бревно в локоть толщиной. Ее заостренный нижний конец загнан в выдолбленную в скале глубокую лунку и тщательно укреплен при помощи клиньев. На высоте шести локтей от земли в каждой ножке выпилен прямоугольный паз, в который плотно входит поперечная перекладина в пол локтя толщины. К каждой из этих перекладин пригвожден человек. Всего казненных трое. Но взоры мужчин устремлены лишь на того, кто распят посередине...

Еще недавно этот человек был красив, молод и силен. Он учил людей и говорил им удивительные вещи, а под конец объявил себя Сыном Бога. Сила его убеждения была так велика, что некоторые стали задумываться: нет ли в его речах толики истины? Сколько времени минуло с той поры? Несколько лет? Или несколько часов? Бессмысленно рассуждать об этом, когда минута превратилась в Вечность. Теперь он висит на кресте, широко раскинув руки. В его запястья вбиты кованые, гранены гвозди. Еще два гвоздя пронзают его ноги между маленькими косточками плюсны. Спина, плечи, бока, живот и бедра несчастного иссечены багровыми рубцами, в которых запеклась кровь. Двое мужчин со скорбью наблюдающие за его муками, хорошо знают орудие пытки, оставившее эти ужасные следы: пятихвостый бич со свинцовыми шариками, привязанными к концам каждого из ремней. При ударе он обвивается вокруг тела и рассекает кожу до кости. Человек, висящий на кресте, получил семьдесят восемь таких ударов – достаточно, чтобы свести в могилу любого крепкого мужчину. Но по сравнению с распятием та пытка выглядит сейчас детской забавой. Вздрыбленные вверх плечи несчастного кажутся неестественным образом вывихнутыми, так что наружу выступают острые углы лопаток, а под кожей бугрятся сведенные невыносимой болью мышцы. Живот его глубоко втянут, лоснящаяся от пота кожа туго обтягивает выпирающие вперед ребра. Лицо посинело от натуги. А все от того что, сделав глубокий вдох, он не имеет силы для выдоха. Двое мужчин, стоящие внизу, знают, что это значит: вся тяжесть верхней части подвешенного на руках тела казненного приходится теперь на его грудь. Кровь приливает к ней и застывает. Сведенные судорогой, мышцы, словно железные обручи, сдавливают грудную клетку и не дают расширяться диафрагме. С невероятной мукой, помогая себе всем телом, человек на кресте небольшими порциями выдавливает из себя воздух, который со свистом выходит через его широко открытый ощерившийся рот. Когда страдание делается невыносимым, он старается распрямить свои колени. Тогда его провисшее тело чуть приподнимается, давление на грудь ослабевает, и это дает возможность немного перевести дух. Однако лишняя порция воздуха достается несчастному ценой новых мук. Ведь его единственной опорой служат гвозди, которыми палачи прибили к столбу его ноги. Кроме того, каждое движение рождает в его пробитых, изуродованных руках невыносимую боль...

Двое мужчин, стоящие внизу, далеко не единственные свидетели казни. Возле каждого креста застыла фигура солдата с копьём. Их начальник – дюжий высокий офицер в чешуйчатом панцире и с посеребренным гребнем на шлеме сидит в отдалении на грубо сколоченном табурете. Кажется, что, исполнив свою работу палачей и поделив нехитрое имущество казненных, солдаты потеряли к ним всякий интерес. Они хмуро вглядываются в лица зевак, которые выходят из ближайших городских ворот и останавливаются, чтобы поглазеть на распятых. Суровый вид трех стражей, а так же тот факт, что все они в панцирях и при полном вооружении, красноречиво говорит о намерении твердой рукой пресекать любые беспорядки. Но тревога их напрасна. Публичная казнь не привлекает к себе и десятой доли обычного внимания. Ныне канун Великого праздника, и горожане спешат закончить начатые дела. Некоторые проходят мимо, лишь мельком взглянув на казненных. Другие, увидев среди распятых знакомое лицо, останавливаются, чтобы переброситься несколькими словами с другими любопытными. Или с теми, кто висит на кресте...

Чаще других обращаются к тому, что посередине.

– Эй, ты! – кричит кто-то, – сойди с креста, и я уверю в тебя. Даруй вечную жизнь мне, раз у тебя самого не вышло...

В толпе слышатся смешки. Прохожие оглядываются, стараясь разглядеть шутника. Это невысокий плотный мужчина с полным круглым лицом, румяными щечками и маленьким как пуговка носом. В руках он держит корзину с вырезанными из дерева и грубо раскрашенными куклами.

– Точно! – откликается другой любитель жестоких зрелищ, – кукольник дело говорит! Чем спасти других, спаси хотя бы себя...

Несчастный хранит молчание. Похоже, он не замечает глумления толпы. Некоторые из горожан удивляются: «Где те глупцы, что толпами ходили за этим лжепророком и провозглашали его богом? Куда они все подевались?» В самом деле, поблизости нет никого из учеников, а их по слухам насчитывалось несколько десятков. Лишь несколько женщин стоят в отдалении и с немой скорбью наблюдают за муками своего наставника. Но для двух мужчин в дорогих плащах это печальное обстоятельство служит лишним подтверждением истинности каждого слова пророка. Вообще, все незначительные события этого дня наполнены для них особым смыслом, ибо каждое из них рождает воспоминание о каком-нибудь важном пророчестве древних священных книг. Вот и сейчас мужчина в коричневом плаще тихо произносит про себя строку священного гимна: "Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали..."

Казнь свершается на окраине Города. Справа от скалы за крошечным прямоугольным прудом раскинулись сады. Они террасами поднимаются к вершине высокого холма, на котором теснятся зубчатые башни. Из-за стен выступает роскошный фасад Дворца, украшенный галереями и колоннами из зеленоватого серпентина. Прямо за спинами казненных тянется стена Предместья. За ней виден храмовый холм, опоясанный рядами тесно сгрудившихся домов. Кривые улочки кажутся отсюда ярусами огромного амфитеатра, над которым высоко возносится беломраморная громада Храма. Обычно его стены, украшенные тяжелыми листьями кованой меди, ослепительно сверкают в лучах солнца. Но сейчас солнце скрыто за густыми тучами. Город погружен в сумеречный полумрак. Храм окружают высокие зубчатые стены и мощные башни с бойницами. Хорошо видны верхние ярусы роскошной лестницы, спускающейся с вершины, а также выступающее над постройками священническое крыло. Именно оттуда вот-вот должен раздаться громкий звук трубы, оповещающей горожан о наступлении Великого праздника. Посредством нескольких мостов северные галереи Храма соединяются с древней Крепостью. Каждый из четырех ее углов венчает мощная башня. Там располагается дворец наместника. Того самого, что отдал приказ о казни пророка...

Впрочем, нет смысла смотреть по сторонам. В минуту, которая сливается с Вечностью, Дворец, Крепость, Храм и сам Город – всего лишь декорации к драме. Дrame, которая разворачивается на вершине скалы, на маленьком пяточке, где сошелся весь мир. Человек, называющий себя Сыном Бога, поднимает глаза к мрачному, затянутому тучами небу. На его лице – невыразимая мука. «Боже! – восклицает он громко. – Для чего ты меня оставил?» Голос его, исполненный глубокого страдания, заставляет содрогнуться всех свидетелей этой сцены. Разговоры смолкают. Голова распятого вновь опускается на грудь. Его спекшиеся губы беззвучно шевелятся, произнося какие-то слова. Офицер смотрит на притихшую толпу и спрашивает:

– Чего он хочет?

– Наверно, просит пить, – делает предположение солдат возле среднего креста.

– Так дай ему, – разрешает офицер.

Солдат снимает с пояса флягу, смачивает дешевым кислым вином губку, кладет ее на кропило и подносит к губам несчастного. Двое мужчин, стоящих внизу, видят, как тот касается губки губами, но потом качает головой, отказываясь пить. Солдат пожимает плечами и вновь сует губку в свою флягу. Толпа в недоумении. Лишь мужчины в дорогих плащах понимают сокровенный смысл происшедшего. «Верно! – возбужденно шепчет толстяк с густой курчавой бородой, – так и должно было случиться, ибо сказано в Писании: "И давали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом"». Его худощавый спутник, обладатель короткой изящной бородки, согласно кивает головой и тихо говорит: «Он подлинный Спаситель, о котором возвещали пророки! Теперь уже недолго ждать». Оба замолкают и еще пристальнее вглядываются в лицо распятого, чье земное существование должно вот-вот оборваться. Казненный вновь поднимает голову, с усилием распрямляет ноги, судорожно выдыхает воздух, а потом внятно произносит: «Отче! В руки твои предаю дух мой!» Его тело бессильно повисает на кресте без признаков жизни. Все кончено. Толпа начинает расходиться, но двое мужчин не трогаются с места. Остается еще одно древнее пророчество, и они хотят дождаться его осуществления...

В воротах появляется младший жрец Храма. Он поспешно поднимается на вершину скалы и что-то шепчет на ухо офицеру. Тот кивает в ответ и отдает подчиненным короткую команду. Двое мужчин, стоящие внизу, не могут разобрать ни одного слова, но они и так знают, о чем идет речь. Жрец напоминает солдатам, что день на исходе, что оставлять мертвые тела не погребенными в канун Великого праздника – грех. Офицер охотно внимает просьбам жреца. При обычном течении дел казнь может затянуться до утра. Кому же охота торчать на своем посту целую ночь? Куда соблазнительнее положить конец агонии преступников и коротать время в каком-нибудь уютном кабачке, тем более, что средство для этого давно известно...

Двое мужчин, стоящих внизу, видят, как солдат у левого креста извлекает из ножен меч и одним ударом перебивает распятому обе голени. Лишившись единственной точки опоры, тело повисает на прибитых руках. Второй воин проделывает ту же операцию над другим преступником. Теперь оба лишились возможности выпрямиться и должны в скором времени умереть от удушья. Солдаты сходятся возле центрального креста, предполагая покончить таким же образом с последним осужденным. Один примеривается для удара, однако второй останавливает его. Очевидно, он обнаружил, что пророк мертв и сообщил офицеру о своем открытии. Сердца мужчин наполняются ликованием. Только, что на их глазах исполнилось еще одно древнее пророчество, которое гласит: «Бог хранит все кости его; ни одна из них не сокрушится...»

Офицер берет в руки копьё, подходит к распятому телу и сильным ударом пронзает грудь умершего в том месте, где должно находиться его сердце. Мужчины не могут видеть того, что случилось дальше, но громкие восклицания стоящих поблизости зевак доносят до них весть о новом чуде: из нанесенной копьем раны обильно изливаются вода и кровь. Тот, что одет

в коричневый плащ, тихо произносит слова Священной книги: "...сердце мое сделалось как воск, растаяло посреди внутренности моей..."

Теперь они могут оставить свой пост. Оба идут к воротам и здесь ненадолго расстаются. Владелец коричневого плаща направляется к Крепости. Он быстро шагает по узким улицам, где царит предпраздничное оживление. Добравшись до места, он вызывает дежурного офицера и передает через него свое прошение к наместнику. Вскоре офицер возвращается и вручает ему запечатанную табличку.

– Йосэф бар-Ионе, – говорит он. – Наместник не возражает. Можешь взять тело казненного и похоронить.

И, помолчав, добавляет с усмешкой:

– Странно, что твой пророк умер так быстро.

– Он провисел на кресте ровно столько, сколько было необходимо, – сухо отвечает Йосэф.

– Необходимо для чего? – спрашивает офицер.

– Для того что бы на нем исполнились все древние пророчества.

По дороге из крепости Йосэф заходит в лавку сирийского купца и покупает восемь локтей тонкого льняного полотна. Товарищ поджидает его у городских ворот. У него в руках золотой потир с крышкой, заполненный благовониями. Они готовы к погребению...

На месте казни, Йосэф вручает офицеру табличку, запечатанную печатью наместника. Тот пробегает глазами строки приказа.

– Тело ваше, – говорит он равнодушно. – Берите его. Нам одной заботой меньше.

Йосэф расстилает на камнях плащаницу. Мужчина в темно-синем плаще посыпает ее смесью мирры и ладана. Затем они подходят к кресту. К его ножке прислонено копьё. Его длина около пяти локтей. У копьёя ясеневое древко и острие в виде лаврового листа. Йосэф протягивает руку и осторожно касается наконечника.

– Вот острие, пронзившее божественную плоть, – говорит он тихо. – Что может быть больше? Не хотел бы я стать тем, против кого его направят в следующий раз...

Тем временем солдаты извлекают гвозди из ног распятого пророка. Один из них встает на табурет и несколькими ударами молотка выбивает перекладину из паза ножки креста. Стоя внизу, мужчины принимают безжизненное тело. Едва колени умершего касаются земли, рана на его груди открывается, и из нее начинает капать алая кровь.

– Подержи учителя, брат Накдимон, – говорит Йосэф.

Накдимон застывает на месте, прижимая к себе перекладину с пригвожденными к ней руками казненного. Длинные волосы пророка, ниспадающие с его упавшей на грудь головы, почти касаются земли. Йосэф поднимает пустой кубок из-под благовоний и подносит его к ране, стараясь не упустить ни одной капли.

– Чудо! – шепчет он. – Смерть уже сокрушила плоть, но кровь по-прежнему жива.

– Кровь –местилище души, – отвечает Накдимон...

Они ждут, пока алая струйка не иссякнет. Йосэф плотно закрывает крышку и прячет бесценный сосуд в своих одеждах. Вдвоем они кладут умершего на землю, клещами вытаскивают гвозди из перекладины и тщательно укутывают тело в плащаницу...

– Час Великого праздника приближается, – говорит Йосэф бар-Ионе. – У нас мало времени, брат. К счастью, моя гробница совсем рядом.

Они поднимают труп и несут его в сад, разбитый неподалеку от места казни. За садом начинается горный склон и здесь, прямо в скале вырублен искусственный грот. Минувя маленькие сени, Йосэф и Накдимон попадают в низкую тесную комнату, где на полу, в мягком камне вытесано углубление для тела. Они кладут пророка на погребальное ложе и, замерев на месте, читают про себя молитвы. На улице по-прежнему темно, и внутри гробницы сгущается настоящий мрак. Стоя плечом к плечу, они едва могут видеть друг друга.

– Пошли, – говорит Йосэф, – все остальное женщины сделают после праздника.

Они выбираютя наружу и вдвоем с трудом подкатывают ко входу большой круглый камень...

В это мгновение плотная завеса туч неожиданно разрывается, так и не пролившись дождем. Появляется солнце, уже наполовину скрывшееся за храмовым холмом. Залитый его лучами Храм кажется багрово-красным, словно по его стенам струятся потоки крови. Йосэф и Накдимон замирают, пораженные этим необычайным зрелищем. Постепенно краски тускнеют. Последние лучи солнца сверкают на балюстраде, опоясывающей плоскую крышу Храма, и гаснут. До далекого Предместья долетает дружный крик, вырвавшийся из нескольких сотен глоток. Он обращен к Богу. «Услыши наш глас!» – взывают люди, собравшиеся на вечернюю молитву. В быстро темнеющем воздухе можно различить всполохи яркого пламени – это догорает жертва на храмовом алтаре. Йосэф бар-Ионе легко вызывает в памяти хорошо знакомую картину: сотни людей лежат, простершись на земле перед алтарем, и каждый просит у Бога здоровья, процветания и хорошего урожая. «Что-то ожидает нас теперь, после того как мы распяли Его Сына?» – думает он, и сердце его замирает в предчувствии грядущей беды...

Город тонет в ночной мгле...

Минута Вечности миновала...

Часть I

1. Кукла и зеркало

Все началось с куклы.

Анжелика подбежала к ней, едва они с мамой переступили порог магазина. Особенно удивляться здесь было нечему. Высокая, почти по пояс девочке, кукла стояла в ярко освещенной витрине и сразу притягивала к себе взоры всех покупателей.

Дома Анжелику дожидалось небольшое кукольное семейство, состоявшее из «Барби», двух «Кристин» и «Елены». Белокурые или золотоволосые, одетые в разноцветные яркие платья, они в чем-то были неуловимо схожи между собой и взирали на мир одинаковыми ничего не выражающими глазами. Но эта кукла не походила ни на какую другую!словно хищный зверек, она смотрела на вас дерзко, исподлобья. Ее маленькие, выкрашенные черной помадой губы, были твердо сжаты. На голове красовалась черная широкополая шляпа. Острый подбородок, длинная, нависавшая над самыми глазами челка, пушистые ресницы, и восковая бледность придавали лицу неповторимое выражение – одновременно загадочное и надменное. Одетая кукла была так же необычно: в черную кожаную куртку на молнии и черную юбку ниже колен. Ее шею обвивала серебристая косынка, а на ногах красовались большие модные ботильоны на высокой платформе.

– Ух, ты! – воскликнула пораженная Анжелика.

Если бы мне позволили прибегнуть к высокому поэтическому стилю, я бы сказал, что она была «просто вне себя от восхищения».

Но маме незнакомка не понравилась.

Еще меньше понравился ей приклеенный к стеклу ценник.

– Не пойму, что ты в ней нашла! – пожалала мама плечами. – Она вся какая-то... черная. И, по-моему, совсем не добрая.

– Ах, мамочка! – не согласилась Анжелика. – Ты ничего не понимаешь! Она такая... такая неприрученная! И ужасно, ну просто ужасно мне нравится! Такого подарка на день рождения у меня еще никогда не было!

Собственно, за подарком они сюда и явились. Завтра Анжелике исполнялось десять лет, и в преддверие первого в ее жизни юбилея мама пообещала купить дочери любую, понравившуюся ей куклу. Разумеется, как это водится у всех мам, их устное соглашение было обременено (выражаясь взрослым языком) целым рядом существенных условий. Анжелика должна была хорошо себя вести, должна была исправить тройку по математике и, наконец, должна была выучить за месяц сто пятьдесят новых английских слов. Так что девочке пришлось потрудиться, дабы приблизиться к заветной цели. Вдохновляло Анжелику то, что слово «любая», фигурировавшее в их с мамой договоре, изначально не подразумевало никаких исключений. Следовательно, она могла «захотеть» все, что угодно.

Кому-то может показаться, что маме следовало хорошенько подумать, прежде чем давать свое обещание. Однако, по правде говоря, она не сильно рисковала. Магазины, в которых предстояло выбирать подарок, были так себе, торговали здесь дешевым ширпотребом и китайскими подделками под известные бренды. Осторожно прошупав почву, мама убедилась, что наибольшими симпатиями дочери пользуется большеглазая длинноволосая «Ликка» в кимоно. А эта покупка вполне укладывалась в ее довольно ограниченный бюджет. Неожиданное появление новой куклы, чья стоимость выражалась пятизначным числом, стало для нее неприятным сюрпризом.

Смутившись, мама подошла к продавщице, которая лениво перелистывала за прилавком глянецвый журнал, и поинтересовалась: есть ли у них что-нибудь «в том же роде, но подешевле»?

– Что вы такое говорите, женщина? – отвечала та с деланным удивлением, – Это ведь «готика» штучной работы. Такую вещь задешево не продают.

Мама и сама об этом догадывалась. И, тем не менее, нотка высокомерия, прозвучавшая в голосе продавщицы, задела ее за живое. Она нахмурилась и, повернувшись к дочери, сухо произнесла:

– Вот что, на эту куклу у меня денег нет. Поищи что-нибудь другое.

Подобного поворота событий девочка никак не ожидала.

– Но ведь ты обещала! – напомнила она.

– Обещала, – не стала спорить мама. – Только я не волшебница! Истратим все деньги, что потом будем делать?

– Ну, мамочка!

– Пойми, доченька, – попыталась урезонить Анжелику мама, – это безумие выбрасывать кучу денег за игрушку. К тому же мы хотели устроить стол для твоих подружек.

– Не надо мне никакого стола!

– А как же праздник?

– Не надо мне никакого праздника! – упрямо твердила Анжелика.

– И куртку тебе надо к зиме купить.

– Не надо мне никакой куртки! – топнула ногой девочка. – Хочу эту куклу! Ты обещала!

В глазах у Анжелики блеснули слезы. Привлеченные шумом покупатели начали с любопытством оглядываться на них. Дело принимало скандальный оборот, а скандалов, особенно публичных, мама не терпела.

– Прекрати! – строго сказала она. – Выбери другую куклу.

Что-то в мамином голосе подсказало Анжелике, что спорить дальше бесполезно.

– Не надо мне ничего, – сварливо отвечала она.

– Тогда пошли домой!

Бросив последний взгляд на стоявшую за стеклом красавицу, девочка молча направилась к двери. Мама хотела взять дочку за руку, но Анжелика вырвала свою ладонь. Прощать такую обиду она не собиралась.

Вот так неожиданно печально закончился их поход в магазин, о котором обе мечтали целый месяц!

«И почему так случилось?» – думала мама, наблюдая за дочерью, которая была мрачнее тучи и молча шагала рядом, засунув руки в карманы. Лоб девочки пересекала гневная морщина, увы, слишком хорошо ей знакомая. «Папины гены, – со вздохом сказала про себя мама, – тут уж ничего не поделаешь!» Всерьез сердиться на дочь она не могла. Ведь Анжелика действительно очень старалась: ни одного замечания за месяц не получила, математику подтянула, и слова английские выучила, как обещала. Классная руководительница на родительском собрании очень ее хвалила.

«Неужели, это я во всем виновата?» – с грустью подумала мама. Еще два месяца назад она твердо решила, что на десятилетие дочери организует ей настоящий праздник: с гостями, чаепитием и подарками. Ради этого мама даже устроилась на работу в ЖРЭУ, вставала до рассвета и каждый день, перед тем как отправиться в свою контору, подметала двор и мыла парадную лестницу в их доме. Тогда-то она и дала дочери хвастливое и, как теперь оказалось, неисполнимое обещание. Конечно, она поступила неосторожно и сейчас пеняла себе за это, но, с другой стороны, разве не ждала она этого праздника так же нетерпеливо, как ее девочка? Еще задолго до дня рождения она рисовала в своем воображении, как все должно произойти. Сначала они с Анжеликой должны были выбрать в магазине игрушку. Вслед за тем, довольные

и счастливые, они бы отправились в гастроном, советуясь между собой, что лучше купить к празднику. Вечером намечалось другое действо – выпекание коржей для любимого Анжеликиного торта. А увенчать сегодняшний день должно было смазывание коржей кремом и клубничным вареньем, «сборка» торта и обсыпание его тертым шоколадом. Утром их ждали новые хлопоты: покрывание стола скатертью и его сервировка к чаю, причесывание, одевание и «верчение» перед зеркалом. Часов в одиннадцать должны были явиться гости. Разлив чай по чашкам, мама внесла бы в комнату роскошный торт с десятью горящими свечами, и под восторженные восклицания подруг Анжелики задула бы их все одним махом (это вам не тридцать свечей задувать!). Потом девочки затеяли бы игру в куклы, и в центре всеобщего внимания оказалась бы та самая красавица... которую они так и не купили...

Дойдя до этого места, мама поморщилась. Вроде бы в ее мечтах не было ничего особенного и ничего сверхъестественного. Отчего же все пошло кривь и вкось? Чувство было такое, что это ее лишили дня рождения. Да что здесь кривить душой – так оно и обстояло на самом деле! Ей очень хотелось услышать, как подружки дочери восхищаются ее подарком. Хотелось, чтобы все, даже эта «задавака» Подповетная, родители которой недавно купили новенькую «мазду», отдали должное ее празднику, чтобы на другой день на работе она могла с усталой, но счастливой улыбкой рассказывать сослуживцам о прошедшем вечере. О ее счастливом вечере! Пусть она в одиночку растит дочь, пусть зашивается на двух работах и вечно решает одну и ту же неразрешимую головоломку (где достать денег?) она все-таки была бы счастлива в этот день тем особенным счастьем, которое выпадает на долю одних только матерей. Но теперь все ее мечты развеялись, словно дым...

У мамы оставалась слабая надежда, что дочка остынет по дороге, и дома с ней можно будет нормально поговорить. Но где там! Оказавшись в своей комнате, девочка первым делом побросала на пол всех своих кукол, а потом пинками затолкала их под кровать. Общую судьбу разделила даже красавица Ляля, бывшая до этого дня первой Анжеликиной любимицей. Мама, стоя в дверях, бессильно наблюдала за ее гневом.

– Доченька... – мягко начала она.

Анжелика ничего не хотела слушать.

– Уходи! – сердито сказала она. – Я хочу остаться одна. Ты меня не любишь!

– Не говори так! Ты же знаешь, что я тебя люблю.

– Никто меня не любит! – трагическим голосом проговорила Анжелика и уселась на стул спиной к маме. Однако она продолжала исподволь следить за ее отражением в зеркале. Девочка видела, как мама кусает губы, но ей хотелось еще сильнее уязвить ее. Досада ее была так велика, что она, не задумываясь, нанесла удар по самому больному месту.

– Ты не любишь меня, – повторила Анжелика. – Ты всегда хотела, чтобы я умерла, так же как Вероника!

Ее слова достигли цели. Дочка увидела, что глаза у мамы вдруг сделались растерянными и беззащитными. Она глубоко вздохнула, а потом произнесла глухим усталым голосом:

– Ты глупая, злая девчонка! Когда-нибудь ты действительно останешься совсем одна, и тогда пожалеешь о своей жестокости.

Отвернувшись, мама накинула в прихожей пальто, взяла в руки зонтик и быстро вышла из дома. Она не хотела, чтобы Анжелика видела слезы на ее лице.

Вы спросите: отчего мама так расстроилась? Дело в том, что Вероника была ее второй дочкой. Она появилась на свет полчасом раньше своей сестры-близняшки Анжелики, но умерла через месяц после рождения. Почему это случилось, навсегда осталось тайной. Вечером мама положила девочку в кроватку, а через три часа, когда хотела ее покормить, обнаружила, что бедняжка не дышит. На второй день, увидев свою крошку в гробу, мама едва не наложила на себя руки. Это зрелище навсегда разбило ей сердце. И хотя с тех пор минуло уже десять лет, рана не затянулась и продолжала кровоточить...

Анжелика стояла возле окна и смотрела, как уходит мама. Раздражение ее прошло, и в душе шевельнулось раскаянье. Но при всем том она чувствовала себя глубоко несчастной. И куда бы ни устремлялся ее взгляд, все казалось девочке тусклым и по-осеннему невзрачным. Над городом нависало серое, затянутое облаками небо. Клены и липы уныло свешивали к земле мокрые ветви и один за другим роняли на землю желтые листья. Тротуар под окнами наполовину скрылся под холодными лужами. Видневшаяся в отдалении детская площадка раскисла от грязи. От всего этого веяло меланхолией и пронзительной безысходностью. А между тем еще утром та же самая картина представлялась девочке яркой и праздничной: в разрывах облаков кое-где проглядывали голубые лоскутки неба, деревья в их желто-красных одеждах стояли веселые и нарядные, и так приятно было шлепать ногами по лужам!

– Какой мерзкий день! – с отвращением произнесла Анжелика.

Она задернула шторы и легла на кровать. Через мгновение девочку окутала напряженная тишина, но тишина не безмолвная, а насыщенная едва различимыми шорохами и звуками. То и дело что-то где-то потрескивало и поскрипывало, а порой откуда-то снизу из-под пола доносилось тихое бормотание, похожее на отдаленный разговор, в котором невозможно разобрать ни единого слова. И чем дольше Анжелика вслушивалась в эту обманчивую тишину, тем сильнее она затягивала ее, и тем острее овладевало ей чувство странной нереальности. Ей начало казаться, что она перестала быть живой девочкой и превратилась в неодушевленный предмет, вроде кирпичика в стене, куска обоев или половицы в полу, сделалась частичкой большого дома и приобщилась к его таинственной жизни.

Подобного рода оцепенение нередко нападает на тех, кто проводит много времени в старых помещениях. Между тем, дом, в котором жила Анжелика, был не просто старым, он с полным правом мог считаться старинным. Давным-давно его построил богатый немец по фамилии Рабенек – хозяин старого химзавода. Двухэтажный, украшенный колоннами и лепниной, дом в те времена, наверно, выглядел очень роскошно. Особенно нарядным представлялся он взору тех, кто смотрел на него сквозь ажурную решетку, со стороны улицы. От ворот к крыльцу тянулась обсаженная липами аллея. Перед фасадом росли розовые кусты и были разбиты цветочные клумбы.

Но теперь о былом великолепии напоминали одни только облупившиеся колонны. Ворота и чугунная решетка давно исчезли, почти все старые липы засохли, лепнина осыпалась, грязно-желтая штукатурка на стенах покрылась паутиной трещин, ступени на крыльце были выщерблены, а парадное имело весьма непрезентабельный, обшарпанный вид. Мама рассказывала Анжелике, что после революции немец-заводчик бежал за границу. Брошенный им дом вскоре разделили на комнаты-клетушки и превратили в заводское общежитие. Во время войны здесь случился пожар, большая часть жильцов разъехалась, и только в левом крыле на первом этаже ютилось несколько семей эвакуированных. Потом, когда завод стал расширяться, и потребовалось жилье для новых рабочих, особняк отремонтировали и перестроили таким образом, что в нем появилось восемь новеньких квартир, по четыре на каждом этаже. Это было как бы второе рождение дома. Но поскольку жизнь в нем никогда полностью не замирала, связь с дореволюционными временами не прервалась. О минувшем напоминала, прежде всего, старая антикварная мебель, продолжавшая исправно служить нескольким поколениям новых владельцев. Так в пятой квартире находился большой платяной шкаф с медными висячими ручками, в третьей сохранился ломберный стол, в седьмой стены большой комнаты украшала писанная маслом картина, изображавшая красивую девушку в голубом открытом платье (говорили, что это портрет младшей дочери бывшего хозяина дома, умершей в молодых годах). Что до квартиры Анжелики, то здесь оказалось сразу три предмета из мебельного гарнитура позапрошлого века. На кухне стоял высокий темный буфет с тяжелыми скрипучими дверцами, в угол прихожей был задвинут круглый столик на одной ножке, и, наконец, в ее собственной комнате висело на стене старое зеркало в резной раме...

Кстати сказать, прадедушка и прабабушка Анжелики были первыми, кто въехал в отремонтированный после войны дом. Дедушка Коля в то время был маленьким мальчиком лет девяти или десяти. Потом он вырос, превратился в красивого молодого человека и женился на бабушке, которую так же как ее будущую внучку звали Анжеликой (вернее было бы сказать, что это внучку назвали в честь бабушки). А вскоре вслед за тем на свет появилась мама. Так оно обычно и происходит в семейной жизни: дети незаметно вырастают, заводят детей и сами превращаются в родителей. Потом вырастают их собственные дети, и однажды они говорят папе и маме: «Поздравляем! Вы стали дедушкой и бабушкой...»

Погрузившись в оцепенение, Анжелика словно грезила наяву. И, как это обычно бывает в подобных случаях, перед ее мысленным взором проносились обрывочные картинки недавних событий. Но видения эти не были случайными. Какой-то неуловимый смысл связывал их с недавними девочкой переживаниями. То, что произошло с Анжеликой дальше, было настолько сложно и необычно, что с большим трудом поддается описанию. Когда девочка вспоминала о маме и о своей размолвке с ней, ей уже не казалось, что она вела себя правильно. По крайней мере, она бы не решилась повторить те жестокие слова, которые так легко вырвались у нее прежде. Но вместе с тем, Анжелика не могла забыть прекрасную куклу, очаровавшую ее в магазине, и желание обладать ею все-таки брало верх над горечью сожаления.

И вот, в то мгновение, когда досада боролась в ее душе с раскаянием, в голове Анжелики неведомо откуда прозвучал явственный вопрос: «А что бы ты сделала ради того, чтобы иметь эту куклу?» Самое поразительное заключалось в том, что услышанный ею вопрос не был вопросом внутренней беседы. Знаете, так бывает, когда сам себя спрашиваешь, и сам же себе отвечаешь. Нет, все обстояло совершенно иначе! Анжелика ясно понимала, что говорит не она, а к ней обратился кто-то посторонний, неведомым образом проникший в ее сознание. И вопрошал он ее совсем не из праздного любопытства. Он действительно мог дать то, чего она так жаждала! Важно так же заметить, что Анжелика ни на секунду себя не обманывала: она знала, что незнакомец едва ли принадлежит к числу тех доброхотов, которые бескорыстно раздают подарки маленьким девочкам! За свой дар он непременно должен был чего-то от нее потребовать. Слов нет, вступать в какие-либо соглашения с этим неведомым НЕКТО было со стороны Анжелики неблагоразумно. Однако превозмочь искушение оказалось выше ее сил. И поэтому, отвечая таинственному незнакомцу, девочка не задумываясь, воскликнула: «Все, что угодно!»

Но едва Анжелика мысленно произнесла эти роковые слова, она вдруг ощутила сильную тревогу, словно совершила какой-то нехороший поступок, за который ее скорей всего накажут. Приподнявшись на кровати, девочка внимательно оглядела комнату. Конечно, вряд ли можно было ожидать, что существо, обратившееся к ней, как ни в чем не бывало, восседает где-нибудь на стуле или на подоконнике. Но то, что оно находится тут, поблизости, Анжелика не сомневалась. Она даже смутно догадывалась, откуда мог прозвучать таинственный голос, и потому сразу обратила свой взгляд на зеркало.

Как уже упоминалось выше, зеркало было очень старое. Один мамин знакомый, немного разбиравшийся в антиквариате, сказал ей как-то: «Клянусь своими подтяжками, эта вещица вышла из мастерской самого Гамбса!» Положим, Анжелике эти слова ничего не говорили, но с тех пор она прониклась уважением к почтенному возрасту зеркала, как прониклись бы и мы сами, если бы кто-нибудь сказал, что оно сделано еще до всемирного потопа. Ради справедливости следует заметить, что мамин знакомый был прав только наполовину. Возможно, этот самый пресловутый Гамбс имел некоторое отношение к зеркальной раме, но само зеркало было старше, гораздо старше его. Боюсь, я даже не могу с точностью сообщить, когда и кем оно в действительности было изготовлено.

Между тем, на первый взгляд зеркало не имело в себе ничего особенного. Высокое, в мамин рост, оно было заключено в роскошную резную раму из красного дерева, представляв-

шую собой гирлянду невиданных плодов, цветов и листьев. Лишь тот, кто прожил рядом с ним много дней и ночей, мог подметить в его поведении некоторые несуразности. Так Анжелике казалось порой, что при тусклом сумеречном освещении резной узор рамы странным образом преображался. Листья и плоды словно оживали, начинали трепетать, шевелиться, и из-под них в комнату заглядывали крошечные фантастические существа с рогатыми головками. Перебегая с одного края зеркала на другой, они тихо шушукались между собой, и их зловещий шепоток, долетая до ушей девочки, будил в ее душе ощущение смутной тревоги. Все это можно было бы (как поступают обычно взрослые) объяснить «обманом зрения». Однако Анжелика подозревала, что и с самим зеркалом творилось иногда что-то не то. Бывало, резко повернувшись, она замечала, что отражение как будто не поспевает за ней или, наоборот, в зеркале мелькало то, чего в комнате на самом деле не было. Правда видение сохранялось лишь на какие-то доли секунды, а потом – раз! – и все вновь приходило в норму, лишь в душе оставалось ощущение чего-то недолжного.

Так было и сейчас! Лежа на кровати, Анжелика прежде всего увидела в зеркале саму себя и пустую полку над своей головой. Но вместе с тем она увидела открытую дверь в прихожую, а так же часть этой самой прихожей, погруженной в таинственный полумрак. Взору ее открывалась подставка для обуви, табуретка, вешалка для верхней одежды и... Тут девочка буквально впиалась глазами в зеркало. Теперь она не сомневалась – в прихожей кто-то был! Прижавшись к стене, там стояло странное маленькое существо ростом с пятилетнего мальчика. На незнакомце были надеты коротенькие серые штанишки и светлая рубашечка. Более всего поразила Анжелику огромная, совершенно лысая, несоразмерная телу голова и странное недетское лицо незнакомца, все изрезанное старческими морщинами. Застывшее на нем холодное выражение не сулило ничего хорошего. Взгляд огромных, глубоко посаженных глаз был пристальным и тяжелым. Маленькие губки гостя под длинным, как клюв, носом бесшумно двигались, словно он что-то повторял про себя.

Несколько секунд Анжелика изумленно рассматривала незнакомца в зеркале. Потом она быстро соскочила с кровати, выглянула в прихожую и..., конечно, никого не увидела. Для верности она пошарила за кремовым маминым плащом, а так же за другим маминым пальто – «старым», которое она надевала по утрам, когда подметала тротуар перед домом. Нигде не было даже намека на присутствие кого-то постороннего. Если бы мальчик попал в их квартиру с улицы, он бы обязательно оставил после себя влажные следы. Однако линолеум оказался сухим. Входная дверь была заперта на замок, окна на кухне плотно закрыты, так что мальчик не имел никакой возможности проникнуть в прихожую. И, тем не менее, он здесь побывал!

2. Подарок

Расставшись с Анжеликой, мама отправилась в магазин. Как мы помним, на завтра было назначено чаепитие, и к нему следовало приготовиться. Пусть дочь в порыве досады отказалась от праздника, оставлять гостей без угощения все равно нельзя. Мама купила, что требовалось для выпечки, набрала в придачу разных сладостей и, выходя из гастронома, неожиданно столкнулась со своей свекровью.

– Здравствуйте, Вероника Павловна, – не без удивления приветствовала она ее, поскольку свекровь жила совсем в другом районе города и в их магазинах никогда не отоваривалась.

– Здравствуй, милочка, – отвечала та, сопровождая свои слова легким наклоном головы.

Вероника Павловна была очень серьезная дама – кандидат экономических наук и профессор. Хотя мама и папа Анжелики уже несколько лет находились в разводе, отношения между женщинами почти не изменились. Наверно, потому, что они и прежде оставались достаточно прохладными. Вероника Павловна, постоянно занятая на работе, мало интересовалась семейными делами сына, редко бывала у него в гостях, и еще реже приглашала к себе. Точно так же держала она себя и теперь. Однако о дне рождения внучки бабушка никогда не забывала и оказалась рядом с их домом именно по этой причине.

– Вот что, – сказала Вероника Павловна, – через три часа я уезжаю в Москву в командировку и зайти к вам не смогу. Что мне подарить девочке?

– Если бы я знала, – вздохнула мама. Она рассказала о кукле «Ликке» в кимоно, которая, как ей казалось, должна была понравиться Анжелике. Бабушка спросила адрес магазина игрушек и, поговорив еще немного о разных ничего не значащих вещах, женщины расстались.

Из магазина мама пошла домой. Выложив продукты в холодильник, она повязала фартук и сказала, ни к кому не обращаясь:

– Я собираюсь печь торт.

Мама была готова к тому, что Анжелика проигнорирует ее слова, но, вопреки ожиданию, девочка вскоре появилась на кухне.

– Я буду помогать тебе, – хмуро сообщила она.

Это был хороший знак! Вдвоем они принялись за дело, и мама подробно рассказала, как следует замешивать тесто и готовить крем. Поначалу разговор касался одного только торта и завтрашнего праздника. Потом круг тем постепенно расширился. Однако обе старательно избегали упоминаний об инциденте в магазине и даже не касались темы подарков.

Час спустя, когда коржи для торта уже лежали в духовке, а мама с дочкой были заняты мытьем посуды, кто-то позвонил в дверь. Мама вытерла руки и пошла открывать. Она ожидала увидеть свекровь, но за дверью стояла незнакомая ей высокая женщина, одетая в длинное черное пальто с поднятым до подбородка воротником. Голова была повязана черным платком, который скрывал ее лоб до самых бровей. «Монашка какая-то!» – подумала мама.

– Добрый вечер, – сказала незнакомка. – Я из игрушечного магазина. Ваша бабушка только что купила у нас куклу и попросила доставить ее по этому адресу.

– Добрый вечер, – растеряно отвечала мама. – Я думала, она сама к нам зайдет.

– К сожалению, она очень торопилась, – сказала незнакомка.

Женщина вручила подбежавшей Анжелике огромную коробку, перевязанную черной лентой, и попросила маму расписаться в накладной. Пока мама говорила с посыльной, девочка распустила ленту и открыла коробку.

– Mamочка, ты только посмотри, кого нам принесли! – воскликнула она с изумлением.

Мама обернулась и всплеснула руками. Крышка уже была отброшена, и сквозь полиэтиленовую пленку из коробки смотрела на нее та самая пресловутая штучная «готка» в черном,

из-за которой несколько часов назад произошла ссора с дочерью. Рядом стояла Анжелика и счастливо улыбалась...

Мама заперла дверь на задвижку и наклонилась над подарком.

Вынутая из витрины, кукла не утратила прежнего великолепия. Напротив, ее яркая оригинальность сделалась еще выразительней. Кем бы ни был неведомый художник, давший жизнь этому маленькому шедевру, он в совершенстве владел своим ремеслом. Создавая куклу, мастер тщательно продумал каждую мелочь, ведь он прекрасно понимал, что мелочи как раз и составляют суть любой вещи. Без головного убора (широкополая шляпа лежала отдельно) кукла не имела уже того неприступно-холодного вида, что был у нее днем. Впрочем, она не стала от этого ни душевнее, ни добрее. Модная, несколько даже экстравагантная стрижка подпускала в общее впечатление флер пикантности и таинственности. Волосы ничем не отличались от настоящих («может, они и в самом деле человеческие», – подумала мама). Дорогой пластик, из которого изготовили лицо куклы, и на вид, и на ощупь удивительно напоминал человеческую кожу – был таким же эластичным и упругим. Но тепла человеческого тела он не имел, и от того касаться его маме было неприятно («словно трогаешь мертвого ребенка», – промелькнуло у нее в голове).

Однако самым поразительным в этой кукле были ее глаза – огромные, серовато-голубые, обрамленные длинными, пушистыми ресницами. Выглядели они на редкость живо: сложный узор радужки, влажный блеск роговицы, подвижный, неведомо каким образом расширяющийся и сужающийся зрачок, – все было очень натурально. Но, хотя мама и сознавала, что видит перед собой далеко не заурядную игрушку, ее отношение к ней не изменилось. Необъяснимая антипатия, овладевшая ей еще в магазине, даже усилилась. Мама подумала, что, сообщая кукле так много человеческих черт, мастер перешел некую границу, заступать за которую ему не следовало. Короче говоря, неожиданный поступок свекрови и ее непонятная щедрость маму несколько не обрадовали. Но она постаралась скрыть свои чувства, так как видела неподдельный восторг дочери, которая горячо радовалась и восхищалась подарком бабушки.

Удалив пленку, мама извлекла куклу из коробки и поставила ее на пол. Широко расставив ноги в модных тяжелых ботильонах, «готка» уверенно держалась в вертикальном положении.

– Мамочка, – посмотри какая у нее курточка! – прошептала девочка. – Просто супер!

С этим замечанием нельзя было не согласиться. Не только кожаная куртка, но и весь гардероб черной незнакомки вплоть до самых незначительных деталей отличался изысканностью и той неброской добротностью, что свойственна по-настоящему дорогим вещам. Крой, фасон и материал – все было безукоризненно. Подобные фирменные «шмотки» мама видела прежде только в дорогих бутиках. Разглядывая теперь куклу, она не находила в ее нарядах ничего «игрушечного». Все предметы туалета отличались от «настоящих», «взрослых» вещей только своими миниатюрными размерами.

Желая лучше разглядеть скрытый под курткой свитер, мама потянула за бегунок замка-молнии, но тут же отдернула руку.

– Ой! – воскликнула она. – Колется!

Анжелика заметила на мамином пальце быстро набухавшую капельку крови.

– Обо что ты укололась? – удивилась девочка.

Мама сама поначалу не разобрала, но, ощупав отворот куртки, нашла под подкладкой острую булавку. Кто-то спрятал ее и приспособил таким образом, чтобы человек, расстегивающий молнию, непременно поранил себе руку.

– Я же говорила тебе, что она злая! – сердито сказала мама.

– Но, мамочка! – возмутилась Анжелика, – кукла здесь не причем. Это чья-то глупая шутка!

Вместе они отправились на кухню, где мама прижгла ранку йодом. Потом она самым внимательным образом осмотрела покупку (не хватало, чтобы ее дочь тоже укололась!), однако

ничего опасного не обнаружила. Кукла перешла в руки Анжелики, и та принялась устраивать ее на ночь. Сначала девочка хотела раздеть новенькую и уложить ее в постель, но потом сообразила, что у нее нет подходящей кровати. Тогда она решила соорудить ей временное ложе из подручных средств. В ход пошли игрушки, книжки и даже темно-красная, с длинными кистями скатерть с круглого столика в прихожей, которую девочке разрешили на время взять себе. Когда мама, приняв душ, вышла из ванны, дочь позвала ее к себе в комнату и с гордостью продемонстрировала результаты своих трудов. На небольшом расстоянии от стенки ящика с игрушками Анжелика уложила стопками свои книжки и коробочки от маминой косметики. Получилось что-то вроде длинной узкой ниши, которую она выстлала изнутри темно-красной скатертью. Новая кукла, уже без куртки и ботильон, но в черном свитере и черной юбке, лежала в ней, закрыв глаза и вытянувшись во весь рост. Мертвенная бледность кожи, глубокие тени вокруг длинных пушистых ресниц, заострившиеся черты лица, а также траурное сочетание черных и красных цветов, – все это произвело на маму удручающее впечатление. В памяти всплыла тягостная картина похорон дочери, и она поспешно отвела глаза от импровизированного ложа, больше всего напоминавшего ей зев открытого гроба.

– А, как же Ляля? – спросила мама. – Она так и будет спать на полу?

– Нет, конечно! – рассмеялась Анжелика и полезла под кровать.

Все невинные жертвы ее гневной вспышки были вскоре извлечены на свет божий и вновь удостоились милостивого расположения хозяйки. Но, увы, звезда Ляли померкла и закатилась. Все помыслы девочки были обращены теперь к новой любимице, а на долю старой куклы не пришлось и десятой доли прежнего внимания.

– Заканчивай свою возню! – сказала мама. – Завтра с утра еще много чего надо переделать. Умывайся, и в постель!

– Ну, мамочка... – начала Анжелика.

– Живо! – прикрикнула мама. – И не серди меня. Я и так уже сердитая...

Вскоре все обязательные вечерние процедуры были окончены, и Анжелика забралась под одеяло. Мама поцеловала дочку на ночь, притворила дверь и ушла в свою комнату...

Заложив руки за голову, девочка некоторое время лежала с открытыми глазами, перебирая в уме события сегодняшнего дня. Само собой, мысли ее то и дело возвращались к черной кукле, и чем больше она о ней думала, тем необычней казалась ей история с подарком. Ведь никогда еще в прежние годы бабушка Вероника не преподносила ей такой роскошной игрушки. Как случилось, что она так верно поняла ее желание? Впрочем, долго ломать голову над этим вопросом Анжелика не стала. Мысли ее сами собой устремились к завтрашнему празднику. Девочка представила, как удивятся подружки, увидев на полке над кроватью ее необыкновенную «готку». Маленькая Василевская, конечно, сделает круглые глаза, и будет громко восхищаться. Тихоня Колмогорова, из соседнего подъезда (которой Анжелика без зазрения совести командовала и помыкала, как хотела) искренне за нее порадует. И только «задавака» Подповетная скорчит кислую мину, и тут же начнет отыскивать в кукле несуществующие недостатки. Но слова ее, конечно, никого не обманут. Ведь все знают, что хотя в доме у Подповетной полно разных дорогих игрушек, такой куклы нет даже у нее. Несколько минут Анжелика остро переживала радость своего грядущего торжества. Потом ей стали представляться разные игры, в которых ее Готи (так девочка решила назвать новую любимицу) будет принадлежать ведущая роль...

Между тем погода на улице вконец испортилась. Дождь, то и дело накрапывавший с самого утра, припустил не на шутку и громко зашелестел в кронах деревьев. По подоконнику забарабанили капли. Под их мерный стук к Анжелике стала подкрадываться дрема. Мысли, тяжело ворочавшиеся в ее голове, сделались путанными и неясными, ей овладело оцепенение, сходное с тем, что она пережила сегодня днем. И точно так же, как тогда, она оказалась во власти странных видений. В первую минуту Анжелике показалось, что уличный фонарь, едва

теплившийся до этого в углу двора, стал светить гораздо ярче; холодный свет его проник за шторы и наполнил собой всю комнату. Но потом девочка поняла: свет льется не из окна, а из глубины зеркала. Что-то длинное и тонкое скрывалось там. Вот только что? Анжелика прыгнула на пол, подбежала к зеркалу и попыталась дотянуться до неведомого предмета. И тут совершенно неожиданно рука ее, не встречая сопротивления, провалилась в пустоту. Оказалось, что не только зеркало, но и часть кирпичной стены за ним пропали неведомо куда. Зато очертания неведомого предмета сделались более отчетливыми. Девочка разглядела длинное древко с узким наконечником, похожим по форме на лавровый лист. «Копье!» – сообразила она, и в тот же миг, не удержавшись на ногах, опрокинулась внутрь зеркала...

Сверкнул ослепительный свет, Анжелика зажмурилась, а когда вновь открыла глаза, обнаружила, что парит высоко над землей в неведомом, совершенно незнакомом ей мире. Комната исчезла. Прямо над ее головой в бесконечном воздушном океане переливалось яркими красками большое радужное пятно. Изумрудное у края, оно насыщалось в глубине нежной зеленью, переходившей потом через множество оттенков в сочную желтизну. В самом центре пятна ослепительной точкой сияло маленькое солнце. Его лучи, пронзая толщу голубого эфира, рождали в воздухе мириады золотых искр.

«Ах, как хорошо!» – подумала Анжелика, ощущавшая во всем теле ту необычайную легкость, которая сопутствует человеку только в его снах. Она от души наслаждалась стремительным полетом и даже не задумывалась о том, куда, к каким берегам, уносится теперь ее тело. Далеко внизу тянулся безбрежный океан леса с небольшими островками возделанных полей. Потом их сменили многолюдные деревни, вокруг которых паслись стада коров. Лесные тропы и просеки превратились в широкие дороги. К дорогам тянулись рабочие слободки, застроенные лачугами из ивняка, глины, дерева и плохо подогнанных камней. Наконец, показались богатые имения, окруженные садами. Пригороды сменились городскими кварталами... Анжелике с интересом отмечала про себя эти перемены. «Что ждет меня за горизонтом?» – думала она и, охваченная радостным возбуждением, неслась и неслась вперед...

Внезапно в воздухе произошла перемена – тени на земле сделались резче и глубже, а голубой эфир, не теряя своей прозрачности, лишился золотистого блеска и помрачнел. Анжелика в недоумении оглянулась и... увидела еще одно светило. В придачу к лучезарной золотому диску из-за горизонта выкатилось большое темное солнце. С его черной, кипящей, как смоляное море, поверхности вырывались длинные протуберанцы, напоминавшие щупальца фантастического морского чудовища. Ничего подобного Анжелике не приходилось видеть даже во сне. Но удивиться она не успела. Земля резко ушла вниз, и перед ней в мгновение ока открылась панорама неведомого города. Несколько широких прямых проспектов делили его на кварталы, но внутри этих правильных сегментов дома теснились без всякого порядка. Кривые улочки расходились во все стороны, многие дома, выбиваясь из ряда, стояли друг к другу боком или под углом, образуя множество переулков, подворотней и тупиков. Островерхие кровли тесно сходились краями, как шляпки опят на пеньке. Лишь изредка в сплошном массиве темно-красных, крытых шифером крыш появлялся разрыв в виде маленького сада или дворика с колодцем, и тогда можно было рассмотреть фасады трех и четырехэтажных зданий, украшенных ажурными парапетами, зубцами, башенками, балкончиками и эркерами. Среди бесконечного множества печных труб, флюгеров и шпилей вздымались высокие флагштоки, на которых развевались разноцветные знамена.

Анжелика во все глаза смотрела на это чудо и не сразу поняла, что совершает свой полет уже не в одиночку. Повернув голову, она увидела рядом с собой огромную птицу с темно-бурыми крыльями. Ее желтые кожистые пальцы с острыми когтями крепко обхватывали крюк плетеной гондолы, края и бока которой украшали цветочные гирлянды. В гондоле, тесно прижавшись друг к другу, сидело несколько маленьких девочек. Все они были облачены в одинаковые огненно-красные плащи с капюшонами и серые шерстяные платья с вышитым на груди

горящим факелом. Вместе с ними в гондоле находилась молодая женщина лет сорока пяти с сухими и строгими чертами лица. Все это Анжелика успела разглядеть и запомнить буквально за одно мгновение. Однако больше всего поразило ее другое – на спине у птицы она заметила еще одну девочку, лет десяти, в таком же сером платье и красном плаще.

И в этой девочке она узнала саму себя...

3. День рождения

Когда Анжелика открыла глаза, уже наступило утро. Ливший всю ночь дождь прекратился, но солнечные лучи по-прежнему не могли пробиться сквозь плотные свинцовые облака. Было пасмурно, в комнате царил полумрак, а между тем сердце в груди сладостно замирало в предчувствии чего-то необыкновенного. «Ах, да! – вспомнила Анжелика. – Ведь сегодня мой день рождения!». Она быстро села в постели. Взгляд ее упал на зеркало, и тотчас в памяти с необычайной ясностью всплыла картина ночного видения. Теперь она казалась ей совершенно нереальной, но на всякий случай девочка подбежала к стене и коснулась поверхности зеркала. Пальцы ощутили холодную гладь стекла. «Это был только сон! – с сожалением подумала Анжелика. – Но какой яркий и необыкновенный!» Девочка сладко потянулась, состроила веселую рожицу своему отражению и выбежала из комнаты...

Между тем будильник в мамином «мобильнике» уже в третий раз принимался наигрывать браурную мелодию, напоминая о том, что пора приниматься за дела. Однако мама никак не могла заставить себя подняться. Едва проснувшись, она ощутила тупую боль в затылке и слабость во всем теле, а когда попыталась встать – к горлу подкатилась тошнота, в висках застучало, и вся комната завертелась перед глазами. «Что это такое со мной? – подумала она. – Неужели заболела? Как это некстати!» Мама вновь опустила голову на подушку и прикрыла глаза. Несколько минут она пролежала неподвижно, собираясь с силами. Будильник заиграл в четвертый раз. В это мгновение распахнулась дверь, и появилась Анжелика.

– Мамочка! – закричала она с возмущением. – Ты все еще спишь?

– Еще минутку, солнышко! – отвечала она, – иди ко мне, я тебя поцелую.

Девочка забралась под одеяло. Мама коснулась горячими губами ее лба и поздравила с днем рождения. Они полежали немного вместе, рассуждая о том, что предстоит сделать до прихода гостей. Головокружение понемногу отступило. Со второй попытки маме удалось присесть на край постели и опустить ноги на коврик. Но эти несложные действия отняли у нее столько сил, что на лбу выступила испарина. «Да что же это такое?» – с недоумением спрашивала она себя. Отослав Анжелику в ванную, мама медленно прошла на кухню, поставила на плиту чайник и проверила, хорошо ли пропитались коржи в торте. Оказалось, что торт вышел на славу. С чувством удовлетворения мама заварила чай, плеснула в чашку немного коньяку и сделала несколько глотков. По жилам побежало приятное тепло, и вместе с ним стали возвращаться силы. «Вот и хорошо! – подумала она. – Было всего лишь легкое недомогание; теперь все позади, и день рождения выйдет на славу».

Мама напоила дочку чаем и сама отправилась в ванную. К ее возвращению Анжелика заправила постель и расставила по полкам игрушки. Как и следовало ожидать, на самом видном месте возвышалась Готи в черной куртке и с широкополой шляпой на голове. Стоя на полке, она с надменным видом обзревала комнату. «Словно королева в завоеванном королевстве», – пришло на ум маме. Вдвоем с Анжеликой они передвинули в комнату кухонный стол, застелили его скатертью, извлекли из серванта и протерли праздничный сервиз – белый с бирюзовыми цветочками. На подоконнике поставили одну подле другой хрустальные креманки под мороженое.

Тут в дверь позвонили. Оказалось, что пришла Василевская. Едва переступив порог, она затрещала, словно сорока, и принялась рассказывать, сколько бед натворила вчерашняя непогода:

– Ветер ночью был – настоящая буря, – говорила она. – Липа за домом раскололась пополам, упала и перегородила всю дорогу!

– Да ты разувайся, Маша, – с улыбкой сказала мама. – А липа эта очень старая, нынешней весной на ней даже листья не распускались. Так что ничего удивительного. Хорошо, что никого не задавило.

Василевская прошла в комнату, достала из пакета и вручила имениннице большую книгу с картинками. Анжелика, конечно, поблагодарила, но большой радости по поводу подарка не проявила. Отправившись в кухню за тарелками, она шепнула маме:

– Тоже мне Василевская, выдумщица! Сказки подарила, словно я маленькая.

– Ты это брось! – строго сказала мама. – Чтобы я таких слов больше не слышала.

Из комнаты послышались удивленные восклицания: Василевская заметила Готи. Анжелика тотчас убежала, чтобы вполне насладиться своим триумфом. Когда через несколько минут мама принесла чайные ложки, обе девочки сидели на полу с куклами на руках, и Анжелика с важным видом показывала, какое красивое у Готи белье (разумеется, как и весь ее наряд, оно было черное). В прихожей снова позвонили.

– Беги, открывай, – велела мама.

За дверью стояла Колмогорова – высокая, но очень худая и тихая девочка с бледным лицом. Как уже говорилось, она жила в соседнем подъезде в маленькой грязной квартире, где кроме нее, было полно детей и взрослых. Семья ее считалась не очень благополучной – случались в ней ссоры и даже шумные скандалы. Быть может, от этого Колмогорова всегда казалась немного напуганной. («Затюканная она, ясное дело», – говорила Анжелика маме и при этом осуждающе качала головой; мама сердилась и обрывала ее, однако, Анжелика продолжала обращаться с подругой в покровительственной манере). Вот и теперь, опасаясь, как бы ее языкастая дочка не лягнула какую-нибудь бестактность, мама выглянула в прихожую.

– Раздевайся, Галя и проходи, – мягко сказала она. – А я сейчас чайник поставлю.

Колмогорова со смущенной улыбкой протянула имениннице маленькую «Барби» в ярком сиреневом платице. Принимая подарок, Анжелика чуть сморщила носик. Какое-то едкое словцо уже готово было сорваться у нее с языка, но стушевалось под суровым маминым взглядом. Девочка чинно поблагодарила подругу и пригласила ее в комнату. Правда вскоре она появилась на кухне и недовольным голосом сообщила, что «Барби» не новая, и что Колмогорова подарила ей ту самую куклу, которую ей самой купили неделю назад.

– Солнышко мое, – твердо сказала мама, – пусть это останется между нами. Не надо больше никому об этом говорить, в особенности самой Гале. Ты ведь сделаешь так, как я прошу?

Анжелика сердито передернула плечиками, но пообещала исполнить ее просьбу. В прихожей вновь раздался звонок. Это пришла Подповетная. Стоя на кухне, мама услышала громкие ахи и возбужденные вопросы дочери. Спустя несколько секунд та прибежала на кухню с большой коробкой в руках.

– Ты только посмотри, что у меня теперь есть, мамочка, – радостно сообщила она, – настоящий кукольный сервиз!

– Неужели? – спросила мама.

Она открыла коробку и замерла от восхищения. Подарок и вправду был роскошный! Сервиз на четыре персоны включал в себя множество разнообразных предметов. Тут были два набора изящных фарфоровых чашечек (чайных и кофейных), блюдца, тарелки, несколько соусников, сахарница, молочник, конфетница, масленка и супница. А помимо них еще очень изящный блестящий чайничек и такой же милый кофейничек, ножи, ложки и вилки – все необычайно тонкой работы.

Вслед за именинницей в кухню вошла гостья – крупная флегматичная девочка с полным круглым лицом, по которому то и дело проскальзывала ленивая, снисходительная улыбка.

– Замечательный подарок, Лена! – сказала мама.

Услыхав похвалу, Подповетная улыбнулась и, чуть растягивая слова, сообщила:

– Это папа в Мюнхене купил. Он всегда привозит что-нибудь из-за границы.

– Очень, очень мило! – похвалила мама.

Повернувшись к дочери, она сказала:

– Поиграйте немного; а через пол часика зови всех к столу.

Девочки отправились в комнату Анжелики, а мама занялась последними приготовлениями к чаепитию. Потянувшись к полке за сахарницей, она неожиданно ощутила новый приступ дурноты. Сердце замерло на несколько мгновений, а потом тяжело затрепыхалось в груди, словно умирающая птица. В висках застучали противные молоточки, в глазах потемнело. «Нет, определенно со мной что-то не то сегодня!» – подумала мама. Она ощупью отыскала стул, присела и сделала несколько глубоких вдохов. Дурнота понемногу ушла, но слабость не отпускала. Наконец, собравшись с силами, мама вошла в комнату. Анжелика, Василевская и Подповетная, усадив на колени своих кукол, играли в «званный обед». Одна только Колмогорова не участвовала в общей игре. Она сидела чуть в стороне и, приоткрыв рот, вслушивалась в названия «блюдов», которыми подруги потчевали своих питомцев. Подаренная ей «Барби», небрежно брошенная на пол, валялась в углу. Анжелика о ней совсем забыла. «Ну что ты с ней будешь делать!» – про себя упрекнула мама дочку, но вслух ничего говорить не стала. Да и что можно было сказать? Как дешевой «Барби» тягаться с дорогим сервизом? И это притом, что обеспеченной Подповетной подарок ровным счетом ничего не стоил, а бедняжка Колмогорова (которой родители, конечно же, не дали денег) преподнесла в дар, быть может, свою единственную куклу. Увы, ее дочь едва ли способна оценить жертву подруги. И кто в этом виноват? «Наверно, я!» – с грустью сказала себе мама. Она ушла на кухню и некоторое время прислушивалась к долетавшим до нее обрывкам разговора. По ним она заключила, что Готи имела сногшибательный успех, и ее первый выход в свет ознаменовался подлинным триумфом. Даже «зазнайка» Подповетная с завистью призналась, что очень хотела бы заполнить на свой день рождения такую же куклу.

Улыбаясь, мама достала из холодильника торт, украсила его десятью зажженными свечами и торжественно внесла в комнату. При ее появлении девочки оставили игру и расселись вокруг стола.

– Попробуем, что у нас вышло, – сказала мама, – а заодно узнаем, какая из Анжелы выйдет стряпуха. Тесто она сама делала, я ей только чуточку помогла.

– Совсем, совсем немножко! – воскликнула польщенная Анжелика. – Да могла бы и не помогать! Я и так все знала!

Она набрала полную грудь воздуха и изо всех сил дунула на свечи. Девять из них сразу потухли, но одна, самая дальняя, только мигнула в ответ. Огонек пропал, однако, через мгновение вновь затеплился на кончике свечи.

– Эх! – расстроилась именинница, – теперь желание не сбудется!

Мама вынула из торта погасшие свечи и разрешила его на части. Следующие четверть часа разговоры почти прекратились. Слышалось только позвякивание ложек о тарелку. Торт всем понравился, и гости не скупилась на похвалы. Анжелика и Колмогорова съели по два куска, а Подповетная целых три.

Напившись чаю, девочки вернулись к своим играм, а мама собрала чашки с блюдцами и ушла на кухню мыть посуду. Здесь, у раковины, ее внезапно настиг новый приступ дурноты, сопровождавшийся на этот раз острыми коликами. Боль возникла где-то под ложечкой, но почти сразу стала отдавать в грудь. Быстро нарастая, она сделалась вскоре нестерпимой. Ощущение было такое, будто ей в сердце вонзили раскаленную иглу. Мама выронила из рук чашку, оперлась спиной о дверцу шкафа и тихо сползла по ней на пол. Кухня завертелась перед глазами. Свет померк...

Мама почувствовала, что проваливается в глубокое, страшное болото и отчаянно барахтается в окутавшем ее со всех сторон липком, холодном мраке. Поначалу она была одна, но

потом, то справа, то слева от нее, прямо сквозь струящуюся темноту стали проступать гадкие, наполовину человеческие, наполовину звериные лица. Неведомые чудища пялились на нее со всех сторон, ощерив в мерзкой ухмылке рты, а некоторые тянулись к ней длинными и гибкими, словно змеи, языками. Раз за разом мама старалась вырваться из окружения этих жутких тварей, но странное бессилие парализовало ее члены, а мрак между тем продолжал засасывать ее все глубже и глубже... И вот вдали замаячила еще одна фигура – женщина с ног до головы закутанная в белые одежды, лицо которой было скрыто под низко опущенным капюшоном... Потом перед ней возникло странное, изрезанное морщинами лицо маленького мальчика с огромной, совершенно лысой головой. Оно показалось маме знакомым, словно она видела его прежде в каком-то давнем, полузабытом сне. Но сколько она не напрягала память, ничего определенного ей припомнить не удалось. Кивком мальчик поманил ее к себе, и она уже готова была двинуться следом, но тут откуда-то издалека до нее донесся слабый крик дочери: «Мама! Мамочка! Не уходи!». С трудом, словно преодолевая чье-то ожесточенное сопротивление, мама начала подниматься вверх. Страшные физиономии призраков отступились от нее. Окружающая темнота, растворяясь в потоках падавшего сверху света, утратила над ней свою власть. Будто всплывая из глубины навстречу яркому солнцу, мама поднималась все выше и выше, и, наконец, вырвалась из-под власти наваждения...

Первое, что она увидела, открыв глаза, было лицо дочери, все залитое слезами.

– Мама! – кричала Анжелика. – Ты меня слышишь?

– Слышу, солнышко, – тихо отвечала она, с трудом двигая языком.

– Ах, как ты меня напугала, мамочка, – сказала девочка, – что с тобой такое?

– Наверно, я упала в обморок, – медленно проговорила мама, – мне еще с самого утра нездоровилось...

В кухню, тяжело отдуваясь, вбежала Подповетная. Следом за ней семенила соседка по площадке Галина Николаевна.

– Вам плохо? – участливо спросила она.

– Пустяки, – прошептала мама, – всего лишь небольшой обморок.

Она оперлась рукой о стул, однако боль в груди помешала ей подняться.

– Лежите, лежите! – испуганно проговорила соседка. – Я уже вызвала «скорую». Врач сейчас приедет.

– Чепуха какая... – начала, было, мама и замолчала.

Она хотела сказать: «Не надо мне никакого врача!» Но язык отказался ей служить. Встав на колени, Колмогорова поднесла к ее рту чашку с водой. Мама сделала несколько глотков и перевела дух.

– Долго я была без сознания? – спросила она.

Девочки переглянулись.

– Не-не знаю, – с запинкой произнесла Подповетная. – Минут пять назад я зашла в кухню и увидела, что вы сидите на полу.

– Ах, мамочка, как ты меня напугала! – повторила Анжелика, целуя ее мокрыми губами в щеку.

– Ничего, доченька, все уже позади, – отвечала мама. Но сама она далеко не была в этом уверена. Боль не отпускала. Каждое слово и движение давались ей с большим трудом.

Соседка, выходявшая зачем-то на площадку, вернулась на кухню.

– Галина Николаевна, – попросила мама, – позвоните Веронике Павловне. Скажите ей обо всем. Пусть она возвращается из Москвы как можно скорее.

Соседка кивнула и ушла к себе в квартиру.

– Если меня заберут в больницу, – сказала мама Анжелике, – поживешь некоторое время у бабушки. Хорошо?

Вместо ответа девочка прижалась лицом к ее груди. Мама ласково погладила ее по волосам.

– Ну-ну, – моя хорошая, – прошептала она, – все образуется.

Следующие пять минут все просидели в безмолвии. Между тем вернулась соседка и сообщила, что Вероника Павловна выезжает из Москвы первым же поездом.

– Она будет в городе завтра утром, – сказала Галина Николаевна.

– «Скорая» приехала! – взволнованно сообщила Василевская.

Соседка пошла открывать дверь. Звякнул замок, и послышался приглушенный голос Галины Николаевны, которая о чем-то торопливо говорила врачу. Вслушиваясь в разговор, Анжелика оторвала лицо от маминой груди и устремила напряженный взгляд в прихожую. Через несколько секунд вошел плотный мужчина с бородкой. На нем был белый свитер и расстегнутая синяя куртка с белыми полосами на груди и рукавах. В руках он держал два чемоданчика. Следом за врачом появилась молодая красивая женщина в такой же сине-полосатой куртке и брюках.

– Ну-с, – произнес врач внушительно, присаживаясь на корточки и приподнимая мамину руку, – что у нас здесь произошло?

Выслушав сбивчивый рассказ девочек, он быстро посчитал пульс и измерил давление, потом вставил в уши трубки фонендоскопа и долго прослушивал мамину грудь. Видимо, результаты обследования ему не понравились, потому что врач нахмурился и что-то проворчал себе под нос.

– Боль сильная? – спросил он.

– Да, доктор, – призналась мама, – не могу не вздохнуть, не пошевелиться.

Врач опять сердито покачал головой, а потом кивнул медсестре, которая уже держала наготове шприц. Пока та закатывала маме рукав блузки, перетягивала руку жгутом и искала вену, он извлек из кармана маленькую рацию и приказал:

– Носилки в третью квартиру.

– Все так плохо, доктор? – спросила мама.

– Хорошего мало, – признался врач. – Но пока что ничего определенного сказать не могу. Более точный диагноз поставят в реанимации.

Мама обвела беспомощным взглядом кухню, словно прощаясь с ней навсегда. Потом она сжала ладонь дочери и сказала:

– Ты справишься! Ведь ты уже большая.

В глазах у мамы стояли слезы. Анжелике тоже ужасно хотелось плакать, но она сдержалась и даже попыталась улыбнуться.

– Поезжай, мамочка! – сказала она. – И не думай обо мне.

– Завтра утром приедет бабушка! – напомнила мама. – Всего только ночь поспишь одна. Запрись на замок и никому, кроме бабушки, не открывай.

– Я все знаю, мамочка! – отвечала девочка.

Появился шофер с носилками. Их разложили на полу, а потом общими усилиями переложили на них больную. Шофер встал впереди, врач пристроился сзади, и они понесли маму вниз по лестнице. Анжелика выбежала следом. Стоя в дверях парадного, она видела, как носилки внесли внутрь машины, как захлопнулись задние дверцы, как шофер, усевшись за руль, тронул рычаги, как машина дала задний ход, развернулась перед подъездом и выехала на улицу. Спустя минуту она скрылась за углом соседнего дома, оставив в сыром воздухе только сизые клубы выхлопных газов...

4. Анжелика одна

Поднявшись на второй этаж, Анжелика увидела ожидавшую ее соседку. Подповетная, уже одетая, торопливо зашнуровывала ботинки.

– Уходишь? – спросила Анжелика.

– Мне пора, – коротко отвечала та, – русским надо заниматься, и вообще...

Ничего не прибавив к сказанному, она быстро сбежала вниз по лестнице. Соседка погладила девочку по голове и сказала:

– Анжелочка, я пока что пойду. А вечером обязательно загляну. Или, если хочешь, приходи ко мне ночевать.

– Хорошо, Галина Николаевна, – машинально произнесла Анжелика.

После Подповетной засобирались Василевская с Колмогоровой. Анжелика не стала их удерживать. Закрыв за подругами дверь, она прошла в мамину комнату, легла на кровать и огляделась. Все, что она видела перед собой, все вещи, начиная со старомодного громоздкого шифоньера и кончая туалетным столиком, уставленным множеством разноцветных флакончиков и коробочек, были ей хорошо знакомы. Сотни, если не тысячи раз она мимоходом касалась их, не испытывая при этом никаких особенных чувств. Но теперь все изменилось, и Анжелика внезапно поняла, что это были не просто книги, украшения, одежда или косметика. Это были *мамины* вещи. Каждая из них сохраняла в себе частичку ее души, каждая будила в памяти какие-то воспоминания. Вот за этот откидной столик секретера мама усаживалась со своим «ноутбуком», когда брала работу на дом. В углу стояло широкое кресло, в котором мама любила читать. Зимой она заворачивалась в плед, а ноги ставила на скамеечку у батареи. Когда Анжелика была маленькой, она частенько забиралась под плед с куклой и сооружала там что-то наподобие домика. Страшно подумать, что эти уютные вечера еще недавно казались ей обычным, ничем не примечательным времяпрепровождением. А сейчас она готова была что угодно отдать за одну только минуту их благодатной тишины. Что же теперь ей делать?

Минут тридцать или сорок девочка пребывала в бездействии. Ею владели отчаяние и тупое оцепенение. Но потом в голове созрело внезапное решение: она должна, обязательно должна отправиться в больницу и еще раз увидеть маму! Анжелика вскочила с кровати, вынула из верхнего ящика тумбочки несколько мелких купюр, набросила на плечи куртку и быстро выбежала из квартиры...

На улице было холодно и пасмурно. В довершение неприятностей припустил довольно сильный дождь. Анжелика долго стояла под козырьком остановки, слушая перестук, барабанивших по крыше капель. Наконец из туманной мороси впереди вынырнул автобус. Бесшумно подрулив к остановке, он замер в глубокой луже у края бордюра, словно пришвартованный к причалу катер. Анжелика прошла в полупустой салон, купила билет и присела возле окошка за спиной у кондуктора. Автобус тронулся. В верхней части запотевшего окна мелькали расплывчатые контуры домов, а сквозь маленький пяточок чистого стекла, который девочка оттерла краем рукава, можно было видеть пронесившиеся мимо мокрые машины. По тротуарам неведомо куда спешили пешеходы под зонтиками. «Сколько людей вокруг! – подумала Анжелика, – и у всех своя жизнь! Каждый радуется своим радостям, печалится своим печальями. Никому нет дела до моей мамы!» Она вдруг почувствовала себя маленькой, беззащитной и страшно одинокой...

Возле больницы девочка вышла. С месяц назад мама водила дочку на флюорографию. Гуляя потом по обсаженной кленами больничной алее, она показала ей, где находятся терапевтическое, хирургическое и кардиологическое отделения, а также отделение реанимации. Все это оказалось теперь очень кстати. Миновав ворота, Анжелика повернула направо, к двухэтажному зданию с желтыми отштукатуренными стенами. Она решительно потянула на себя

дверь и вошла в пустой вестибюль. Тут совсем недавно закончили ремонт, отчего в воздухе ощущался слабый запах краски и свежей побелки. Высокие, молочно-кофейного цвета стены холодно поблескивали в свете люминесцентных ламп. Не было ни вахтерши, ни гардеробщицы. Никто не попытался задержать девочку. Анжелика поднялась по лестнице, которая привела ее к тяжелой железной двери с окошечком на уровне глаз. За ней находилась большая комната без окон. Справа и слева от входа располагались две двери. Третья вела в кабину лифта. Анжелика отворила правую дверь и очутилась в темном коридоре, огибавшем наподобие буквы «с» просторную залу. В разделявшей их стене, было устроено несколько больших застекленных окон, позволявших наблюдать за всем, что происходило внутри.

Прежде всего, взгляд Анжелики остановился на громоздком медицинском аппарате, от которого отходили в разные стороны пучки разноцветных проводов. Рядом на кровати расположился пожилой мужчина в очках. Из-за растрепанной, седой шевелюры он имел довольно жалкий, нелепый вид. Впрочем, засматриваться на него Анжелике было недосуг. Она пошла дальше по коридору и в следующем окне увидела несколько коек с лежавшими на них больными. Поблизости стояли столики с какими-то приборами. Появилась медсестра и стала раздавать мензурки с лекарствами...

Анжелика крадучись миновала длинный простенок и заглянула в третье окно. На ближайших к ней койках спали две пожилые женщины. За ними видна была еще одна кровать, наполовину скрытая белым эмалированным экраном. С замирающим сердцем Анжелика перебежала к последнему окну за углом коридора. Увы, предчувствия не обманули девочку: на кровати, вытянувшись во весь рост, лежала с закрытыми глазами ее мама. Вокруг перемигивались красными, зелеными и желтыми огоньками какие-то приборы. По экранам мониторов, сменяя одна другую, пробегали замысловатые кривые. Отовсюду к маминому телу тянулись провода, исчезающие затем под одеялом. На лодыжки ног и запястья обеих рук были надеты серебристые браслеты датчиков...

Анжелика долго и напряженно вглядывалась в родное мамино лицо, превратившееся теперь в холодную, бесчувственную маску, но так и не смогла уловить в нем хотя бы проблеска жизни. Синие, вытянувшиеся в ниточку губы оставались неподвижными, бледные щеки не порозовели, даже ресницы ни разу не дрогнули... Сердце у девочки мучительно сжалось, к горлу подкатились рыдания. Не в силах более сдерживаться, она выскочила из реанимационного отделения, стремительно сбежала по лестнице и бросилась прочь от больницы...

Дождь стал понемногу ослабевать. Не обращая на него внимания, Анжелика отправилась бродить по городу. Возвращаться домой, в пустую квартиру, чтобы остаться там с глазу на глаз со своим одиночеством, она не собиралась. Даже мысль о нем казалась невыносимой...

Следующие часы прошли для Анжелики в каком-то странном полузабытии, словно все происходило не с ней, а с посторонним человеком. Где она была? Что видела? Позже Анжелика очень смутно могла себе это представить. В ее воспоминаниях всплывали лишь отдельные обрывки впечатлений. Так бывает иногда с выздоравливающими больными, которые, восстанавливая в памяти свой бред, с трудом отличают грезы от реальности.

Неведомо как она очутилась в старом заброшенном парке культуры и отдыха. Усыпанные палой листвой аллеи, давно не расчищались и начали зарастать мелким кустарником, все скамейки были переломаны, возле переполненных урн громоздились груды мусора и пивных бутылок. Было сыро, холодно и безмолвно... На минутку Анжелика задержалась возле старой фигурной карусели. Когда-то она приходила в неопикуемый восторг от ее нежно-голубого купола и от веселого хоровода стремительно вращавшихся разноцветных лошадок. Сейчас карусель показалась девочке жалкой и поблекшей. В дощатой платформе зияли черные проломы. Неподвижные лошадки нелепо задирали куцые, обломанные хвосты. Из-под треснувших копыт выступали ржавые железные штыри. Краска вылиняла и облупилась, обнажив во многих местах тусклую и желтоватую, словно кость, древесину. Ноздри, губы, щеки и челки

прежних красавиц превратились в труху, вместо глаз темнели глубокие впадины, от чего добродушные прежде лошадиные мордочки стали походить на оскалившиеся в зловещей ухмылке черепа...

Чувство реальности вернулось к Анжелике лишь под вечер, когда она добралась до автомобильного моста и остановилась, чтобы перевести дух. Как обычно в этот час, шоссе было запружено машинами. Перестраиваясь в нужный ряд, они притормаживали у разделительных полос и обменивались громкими звуковыми сигналами. Небо на востоке заметно потемнело. Близился вечер. Между тем дождь, ливший без перерыва весь день, совершенно прекратился. Вдыхая прохладный, заметно посвежевший воздух, Анжелика почувствовала скорую перемену погоды. О том же говорила легкая дымка тумана, появившаяся над поверхностью реки...

Наступило то тревожное время суток, когда город сбрасывает дремотное оцепенение дня и драпируется в фантастический наряд из зыбких теней и ярких пятен. Первую лепту в его преобразование, как обычно, внесли шоферы. Зажженные ими огоньки габаритных огней слились вскоре в сплошной поток желтовато-красного света, внутри которого то вспыхивали, то гасли кроваво-красные стоп-сигналы, перемигивались поворотники, мелькали зеленые искорки такси и резко проступали белые как молоко жидкокристаллические панели номеров маршруток. За мостом дорога разветвлялась. Часть машин поворачивала на загородное шоссе, другие выезжали на главную улицу, тянущуюся вдоль реки. Девочка живо представила себе толпы людей, деловито снующих взад и вперед по широким тротуарам, неоновые вывески над магазинами и выгнувшиеся уличные фонари, равнодушно разливавшие вокруг себя холодный, бледный свет. Из всего этого она могла видеть лишь ядовитую, желто-красную вывеску «Макдоналдса». Все остальное скрывала темная громада 25-этажного отеля, возведение которого с великой помпой и шумом началось еще два года назад, но теперь было тихо заброшено из-за внезапно разразившегося кризиса. Лишенный стен и крыши бетонный остов высотного здания, словно скелет гигантского динозавра, одиноко возвышался над городом. Днем недостроенные руины выглядели довольно обыденно, но на фоне темнеющего сумеречного неба они казались величественными, даже мрачными...

Занятая своими мыслями и наблюдениями, Анжелика не сразу обратила внимание на остановившегося рядом с ней незнакомца, а потому не могла потом сказать, откуда он вдруг появился.

– Забавный сегодня день, не правда ли? – сказал он. Голос был неприятный – какой-то резкий и скрипучий.

Взглянув на собеседника, Анжелика невольно поежилась. Перед ней стоял бородастый карлик, одетый в черное поношенное пальто. У него было бледное лицо, огромный крючковатый нос, густые брови и необычайно живые блестящие глаза. Из-под низко надвинутой на лоб шляпы выбивались неряшливые пряди седых волос.

– И вовсе он не забавный, – ответила Анжелика. – Гадкий, тяжелый и... очень грустный.

– Вот те на! – усмехнулся незнакомец. – Разве сегодня не твой день рождения? И разве ты не получила замечательных подарков?

– Да, – сказала Анжелика, – мне подарили куклу. Но только сейчас это совсем не важно...

– Извечная людская самонадеянность, – проворчал старик, – тебе ли судить о том, что важно, а что нет?

– Разумеется, мне! – сказала Анжелика. – Днем заболела моя мама, и теперь уже не до игрушек.

– Болезни это когда страдает тело, – заметил карлик. – А если нелады с душой, это зовется сглазом или ворожкой. Тут совсем другая наука. Некоторые, правда, не считают колдовство наукой. Но уверяю тебя, они заблуждаются. И очень сильно!

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – растерялась Анжелика. Странные речи незнакомца сбивали ее с толку.

– Чего ж тут непонятного? – недобро ухмыльнулся карлик. – Твоя мама вовсе не больна. Все гораздо хуже: на нее напустили порчу.

Анжелика с изумлением посмотрела на незнакомца, стараясь разобрать, шутит он или нет.

– Кто же ее заколдовал? – спросила она упавшим голосом.

– Хе-хе, – хмыкнул старик. – Хотелось бы сказать, что это я, но, увы, мне такое не по силам... Похитить душу живого человека, призвать в Аирб дух, оставив здесь тело – это тебе не морок насрать... Тут нужно великое искусство и великое могущество...

Анжелика открыла рот, но промолчала, а карлик продолжал бормотать себе под нос:

– Могущество, хе-хе, могуществом, и все же без моей куклы ничего бы не получилось... Не всякую дверь можно открыть колдовством... Да... А пустить демона в свой дом можно только добровольно... Ему никогда не попасть туда без приглашения... Даже Хозяину это не по силам!

– Кукла! – встрепенулась Анжелика (это было единственное слово, смысл которого она смогла уяснить), – причем здесь кукла?

Старик не ответил. Стоя рядом с ней, он потирал свои маленькие белые ладошки и довольно посмеивался («Какой же он противный!» – подумалось девочке).

– Да, – продолжала Анжелика, – мне очень хотелось иметь эту куклу, но сейчас, когда мама заболела, я отдам ее, лишь бы она поправилась.

– Вот-вот, – закивал старик, – так оно обычно и бывает. Все думают, что от Хозяина можно откупиться, вернув ему то, что он дал. Глупости! Одно из двух: либо ты весь в его власти со всеми потрохами, либо он проглотит тебя, как лягушка комара. И здесь ничего, хе-хе, не изменишь. В ту проклятую ночь, когда я добыл для него Копье, мне казалось, что моей службе конец. Он лежал передо мной, а я говорил себе: «Всего-то и осталось – воткнуть эту железку в его утробу, и ты свободен...»

– Как это воткнуть? – холодея, переспросила Анжелика. – Вы что...

– Он был уже мертв, несуразная девчонка, – проворчал старик. – Но Копье должно было уйти вместе с ним в могилу. Это был единственный способ заполнить его. Никто не мог этого сделать, кроме меня... Умереть было единственной моей мечтой, но он не дал мне этого счастья...

Отрывистые речи карлика стали походять на бред. «Наверно, он сумасшедший!» – со страхом подумала девочка.

– Поймите, – прошептала она, – я хочу только одного: что бы мама выздоровела. Она не должна умереть!

– Глупое дитя! Что ты знаешь о смерти! – зло отозвался карлик. – Она открывает порой такие чудеса, о каких в этом жалком мире можно только мечтать. Но не для всех и не всегда! Тут ты права. Аирб безмерен! Встречаются и там такие, с позволения сказать, местечки, в какие меня не заманишь никакими коврижками. Боюсь, твоя дорогая мамочка как раз и угодила в одно из них.

– Зачем вы меня пугает! – со слезами в голосе произнесла Анжелика. – Мы с мамой ничего плохого вам не сделали. Помогите, если можете. А если не можете, то уходите.

– Помочь? – старик наклонил голову. – Помогать тебе я не собираюсь. Но если хочешь увидеть маму, пока она еще похожа на саму себя, я могу это устроить. Ведь ты хочешь этого?

– Да! – отвечала девочка чуть дрогнувшим голосом.

– Так-то лучше, – сказал незнакомец и шагнул ей навстречу.

Внезапно лицо его исказилось, словно по нему пробежала судорога... И в то же мгновение Анжелика ясно осознала, что странный предмет их разговора – порча, колдовство, похищение души и смерть – не просто слова, что происходящее на самом деле вышло за рамки реальности и что они с мамой неведомым образом оказались втянутыми в высшей степени

необычную и по-настоящему жуткую историю. Ей сделалось очень страшно. Развернувшись на каблуках, девочка бросилась прочь от таинственного старика. Она пробежала до конца моста, свернула в боковую улицу и бежала, не останавливаясь, еще два квартала, пока не выбилась из сил. Только тогда она решилась оглянуться и с облегчением обнаружила, что ее никто не преследует...

5. Зеркало и кукла

«Пора возвращаться», – подумала Анжелика. Дома ее ждало страшное одиночество, но это было единственное место, где можно отдохнуть и собраться с мыслями.

Девочка побрела прочь от реки. В самом начале улицы один подле другого стояли три больших особняка. Обнесенные высокими кирпичными стенами, увешанные кондиционерами и тарелками спутникового телевидения, они старательно демонстрировали сытое, умеренное благополучие. Но чем дальше от центра, тем проще становился облик домов. Старые хрущевки сменила череда типовых бревенчатых двухэтажек с маленькими подслеповатыми окнами. Утих шум, доносившийся со стороны шоссе. Анжелику обступила тревожная тишина. Редкие тусклые фонари не могли разогнать вязкой темноты. Уползая с мостовой и тротуаров, она зримо сгушалась за углами домов, в узких, словно щели переулках.

Впрочем, мрак только в первые мгновения казался непроглядным. Достаточно было остановиться на перекрестке и пристально взглянуть вдаль, как из темноты начинали проступать массивы строений, уходящие вдаль заборы и расплывчатые кроны деревьев. Серебрилась мокрая бетонка, отсвечивали отраженным светом лужи... Все это Анжелика видела и прежде сотни, а то и тысячи раз. Но сегодня все показалось ей иным, не таким как всегда, словно из-за привычного облика предметов внезапно выглянуло что-то чужое, прежде ей неизвестное...

Добравшись до следующего перекрестка, она обнаружила, что дальний конец переулка утонул в густой молочно-белой мгле. Это со стороны реки надвигалась на город волна сырого и липкого тумана. Быстро затопляя пустые чаши дворов и длинные щели проулков, она оставляла за собой одни только угловатые крыши, пока идущий следом высокий гребень не захлестывал их окончательно. Словно поглощаемые бездонной пучиной, черные остовы домов один за другим бесшумно исчезали в водовороте белесой мути.

Анжелика ускорила шаги, с тревогой наблюдая за тем, как плотная стена тумана медленно, но неуклонно приближается к дороге. На углу Цветочной улицы они оказались одновременно. В свете фонаря отчетливо были видны только два ближайших дома с куском забора между ними. Третий дом, уже окутанный сизой дымкой, едва проступал из темноты, а вся нижняя часть улицы просто перестала существовать. Анжелике представилась вдруг страшная картина: огромное бестелесное чудовище тихо наползает на город, проглатывая дом за домом, улицу за улицей, район за районом... Но самое ужасное было даже не это, а то, что люди, не обращая внимания на происходящее, продолжали равнодушно заниматься своими делами. «Они не знают, – подумала девочка, – что туман всего лишь видимость. Страшен не он сам, а тот неведомый НЕКТО, кто скрывается за ним...»

«А может так и должно быть? – продолжала размышлять она. – Жители ни о чем не беспокоятся, потому, что в действительности им ничего не грозит. Во всем этом скопище людей, машин и домов НЕКТО на самом деле ищет только меня одну». Именно она должна стать его добычей. И пусть он даже слеп и глух, это ужасный, неведомый НЕКТО, однако он сразу почувствует, едва только она окажется в его власти... Словно парализованная чужой волей Анжелика застыла на месте, не в силах отвести взгляд от подступавшего к ней тумана. В какой-то момент ей показалось, что она различает два огромных паучьих глаза, обшаривающих пространство над ее головой... Но тут девочка вспомнила маму, и наваждение медленно отступило... «Спокойно, – прошептала Анжелика, – это всего лишь два фонаря, которые светят сквозь туман... Что за вздор лезет сегодня мне в голову? Ведь еще совсем не поздно. До моего дома рукой подать, а я трушу, как будто оказалась ночью совсем одна посреди незнакомого города». Она повернулась спиной к туману и быстро, не оглядываясь, зашагала к своему дому. Тот и в самом деле находился неподалеку. На всем пути девочку не покидало ощущение, что ее бурлит из темноты чей-то злобный взгляд и что она слышит за спиной тихий звук шарка-

ющих шагов. Ее так и подмывало обернуться, но она не поддавалась искушению, опасаясь вновь оказаться во власти страха... Туманные струи догнали Анжелику возле самого дома. Но они успели только лизнуть ее спину. Она быстро проскользнула за дверь парадного, стремительно пробежала вверх по лестнице, сунула ключ в скважину замка, повернула его, юркнула в приоткрывшуюся дверь и тотчас захлопнула ее...

В квартире было темно и тихо. Разбросанные вещи, распахнутые шкафы и сдвинутые с привычных мест стулья живо напомнили девочке о трагическом происшествии, положившем конец ее дню рождения. На полу кухни валялся мамин фартук и полотенце. В мойке была свалена грязная посуда. Первым делом Анжелика обошла все комнаты, всюду включила свет и тщательно задернула шторы, так чтобы с улицы нельзя было увидеть даже кусочка ее квартиры. Потом она закрыла оба дверных замка. Теперь НЕКТО, кем бы он ни был, не сможет до нее добраться. Эта мысль успокоила девочку, и она сразу почувствовала сильный голод. Анжелика поставила на газовую плиту чайник и полезла в холодильник за остатками торта. В это время резко зазвонил телефон. Она сняла трубку и услышала в ней знакомый, чуть взволнованный голос соседки.

– Я уже несколько раз звонила тебе, Анжелочка, – сообщила та. – Но ты не отвечала.

– Все в порядке, Галина Николаевна, – сказала девочка. – Просто я гуляла. Сейчас поужинаю и лягу спать.

– А может, придешь ночевать ко мне?

– Спасибо, но я переночую у себя, – твердо отвечала она.

Галина Николаевна помолчала, обдумывая ее слова, но решила не настаивать.

– Хорошо, Анжелочка, – сказала она. – Я буду дома до завтрашнего вечера. Звони мне, если что-нибудь тебе понадобится.

Анжелика поблагодарила ее, пожелала спокойной ночи и положила трубку. Потом она налила воды в заварочный чайник, всполоснула его, выплеснула на ситечко рыхлую массу сырых чайных листьев – остатки утренней заварки, засыпала из жестяной банки новую порцию чая и залила ее кипятком. Минуты через три вода за стеклом потемнела и приобрела краснокирпичный оттенок. По кухне распространился тонкий аромат мяты и бергамота. Анжелика перелила чай в чашку и подвинула к себе торт. Она доедала второй кусок, когда вновь раздался телефонный звонок.

– Да? – спросила она, подняв трубку.

Ответа не последовало.

– Говорите, Галина Николаевна, я вас слушаю, – повторила Анжелика и в то же мгновение поняла, что это звонит не соседка.

Абонент на другом конце провода продолжал хранить молчание. Слышно было только частое, чуть сипловатое дыхание. Потом кто-то противно хихикнул, и связь резко оборвалась, словно перерезали кабель. Девочка медленно положила замолчавшую трубку обратно на рычаг. Ей стало не по себе. Прежние страхи с новой силой всколыхнулись в душе, и чтобы отогнать их, Анжелика громко проговорила: «Кого тебе бояться, глупенькая? Ты дома, и кроме тебя больше никого нет!» Увы, голос прозвучал совсем не так твердо и спокойно, как хотелось бы. И почему она так уверена, что здесь действительно никого нет? Девочка с опаской выглянула в прихожую, проверила, не спрятался ли кто за висевшими на вешалке мамиными пальто, и прошла в свою комнату. Тут также на первый взгляд не оказалось ничего, что могло бы внушать опасения.

Анжелика распахнула дверцу шифоньера, внимательно осмотрела его изнутри, затем, уже отчасти успокоившись, встала на колени и заглянула под кровать... Но то, что она там увидела, заставило ее сердце вновь отчаянно забиться: на полу среди вороха рваных платьев валялась ее Ляля, вернее то, что от нее осталось. Бедняжка! Можно подумать, что за время отсутствия хозяйки, она побывала в руках какого-то злобного хулигана. Руки и ноги были без-

жалостно оторваны от туловища, а что до головы, то ее просто отхватили ножом – срез на шее был ровным и гладким...

Анжелика села на пол рядом с кроватью и задумалась. Кто, кто мог сотворить такое с ее любимицей? Она постаралась вспомнить, когда в последний раз видела куклу. В ту минуту, когда раздались крики Подповетной, Ляля была у Колмогоровой. Анжелика хорошо это помнила. И потом, когда все бросились на кухню, Колмогорова задержалась на одну или две минуты. В общем, у нее было достаточно времени, чтобы сломать игрушку. Но зачем, почему? Анжелика представила себе тихую молчаливую Колмогорову, которая со злобной усмешкой в неистовстве рвет Лялино платье, яростно выкручивает кукле руки и ноги, а потом просто вырывает их с мясом... Вышло страшно, дико и совершенно неправдоподобно. Но ничего иного Анжелика придумать не могла. Внезапно она вспомнила о Готи и быстро оглядела комнату. Черная кукла оказалась там, где она меньше всего ожидала ее увидеть: сидела на стуле рядом с зеркалом, причем руки ее были отведены немного назад, а голова, напротив, наклонена вперед. Длинная челка закрывала лоб, и от этого взгляд ее огромных серо-голубых глаз казался особенно выразительным. Анжелика прочла в нем усмешку и надменный вызов одновременно. Это выражение неприятно поразило девочку. Но главное было даже не это. На стуле позади куклы Анжелика увидела острый кухонный нож, которым мама обычно разделявала мясо. Как он оказался здесь, она не могла объяснить. Однако девочка ни мгновения не сомневалась: именно этим ножом кто-то неизвестный отрезал ее Ляле голову.

Все происшедшее выглядело настолько странно, что Анжелика растерялась. В то мгновение, когда поднялся шум на кухне, Готи находилась у нее на руках. Убегая из комнаты, она бросила куклу на полу. Кто усадил ее потом на стул, кто придал ее телу положение, в котором она оказалась сейчас? И главное, кто подкинул Готи нож? Разобраться во всем этом девочка не могла, но она не сомневалась, что цель у неизвестного злоумышленника была одна – напугать ее! И он, похоже, достиг желаемого. Анжелика почувствовала себя маленькой мышкой, с которой затеяла игру огромная черная кошка. До поры до времени хищница давала ей возможность бегать на свободе, но только потому, что не сомневалась: добыча никуда от нее не ускользнет...

Анжелика сняла куклу со стула, сунула ее в ящик и завалила сверху другими игрушками. Потом она переделалась в домашнее платье, зажгла ночник на столе, выключила люстру, разобрала постель и легла в нее, не раздеваясь...

Тишина, обступившая ее со всех сторон, как обычно, была полна тревожных шорохов и скрытого движения. Вот из-за стены раздалось невнятное бормотание. Потом что-то прошуршало по полу в коридоре. Анжелика напрягла слух, однако ничего не услышала. Ничего, кроме звенящей тишины... «Никого здесь нет!» – сказала она себе и закрыла глаза. В эту минуту ей совсем не хотелось спать, но оказалось, что дрема уже давно таилась где-то поблизости. Едва уставшее тело расслабилось под одеялом, она, словно котенок, прыгнула ей на грудь и свернулась клубочком. Вновь послышалось тихое, баюкающее бормотанье. Анжелика сама не заметила, как соскользнула в мягкие объятия сна...

Проснулась она далеко за полночь, неожиданно, словно от толчка; села в кровати и огляделась. Ночная темень заполняла комнату, и слабый свет ночника с трудом пробивался сквозь нее. Однако, взглянув на зеркало, Анжелика с удивлением обнаружила, что легко может рассмотреть в нем всю окружающую обстановку. Даже скрытые от глаз предметы, отражаясь в зеркале, становились четкими и ясно различимыми. Никогда прежде Анжелике не приходилось наблюдать чего-либо подобного. «Можно подумать, – сказала она себе, – будто я вижу в зеркале не свою комнату, а какую-то другую». Так оно, наверно, и было на самом деле. И там, в этой отраженной комнате, творилось что-то не совсем обычное. В ящике с игрушками, который стоял у самой стены, девочка заметила какое-то шевеление. Поначалу ничего нельзя было разобрать. Потом над краем медленно поднялось маленькое бледное личико. Это была кукла!

Анжелика быстро повернула голову в сторону ящика и несколько секунд тщетно старалась проникнуть взглядом сквозь густую тень, отбрасываемую столом. Толку от этого вышло мало. Тогда она вновь обратила свой взор к зеркалу. Черная «готка» уже спустилась на пол. Несколько секунд она стояла неподвижно, потом переступила с ноги на ногу и сделала неуверенный шаг по направлению к кровати. Двигалась она не как живой человек, а как автомат с бесчувственным лицом, сильно раскачиваясь на негнущихся ногах и нелепо размахивая руками. Анжелика бросила быстрый взгляд на освещенную часть пола перед ящиком – никакой куклы там не было. «Бред какой-то!» – подумала она и почувствовала, что ее сердце наполняется ужасом. Девочка опять посмотрела в зеркало. Готи находилась уже рядом с кроватью и, поднявшись на цыпочки, старалась дотянуться до ее ступни! Анжелика поспешно подобрала ноги и прижалась спиной к стене. Она смотрела во все глаза и отчетливо осознавала, что перед кроватью никого нет. Но та Готи, что отражалась в зеркале, продолжала подбираться к ее ноге. Вот она ухватилась рукой за простыню, подтянулась и ловко перебросила тело на матрас. «Кукла здесь, передо мной! – в смятении подумала Анжелика. – Почему же я ее не вижу?» Она протянула вперед руку. В это мгновение Готи в зеркале наклонилась и извлекла что-то из своей одежды. Что-то тонкое и блестящее. «Булавка!» – догадалась Анжелика и в то же мгновение почувствовала укол в запястье...

Боли она не ощутила. Только плечо мгновенно одеревенело, а рука повисла, как плеть. Анжелика хотела закричать, но язык отказался ее слушаться. Голова закружилась, все поплыло перед глазами...

В следующее мгновение девочку со всех сторон обступила плотная, слабо колышущаяся чернота, которая то с мерным рокотом накатывалась на нее, то отступала прочь. Провалы делались все длиннее и длиннее. Анжелике показалось, что ее засасывает бездонная пропасть, в которой нет ни мыслей, ни чувств, ни страхов, ни воспоминаний – ничего, кроме вечного и бесконечного безмолвия. Какое-то время она сопротивлялась. Потом силы оставили ее. Темная тишина расступилась, пропуская Анжелику в свои сокровенные глубины, а потом медленно сомкнулась над ней...

6. Дьявольская трапеза

Шофер включил сирену, и «скорая» помчалась по городским улицам. Медсестра в синей куртке наклонилась над носилками.

– Ну, как вы? – участливо спросила она.

– Плохо, – с трудом выговорила мама.

Она прикрыла глаза, и... провалилась во мрак беспомощности. Вокруг опять закружились гнусные призраки со страшными, кривившимися в ухмылках лицами. Последнее, что задержалось в ее угасающем сознании, было ощущение головокружительного полета сквозь бесконечный темный коридор...

Когда мама вновь пришла в себя, она обнаружила, что лежит на столе в тесной комнатке, стены которой были оклеены старыми газетами. С облупившегося потолка на проводе свешивалась голая электрическая лампочка. В ее тусклом свете мама увидела над собой серые, как пепел, лица двоих мужчин, облаченных в черную униформу. Оба смотрели на нее холодными, немигающими глазами.

– Где я? – спросила она.

Незнакомцы не удостоили ее ответом.

Повернувшись, они молча вышли из комнаты. Мама полежала немного, потом медленно приподнялась, уселась на краешек стола и опустила ноги на плитки кафельного пола. Место, где она очутилась, не понравилось ей с первого взгляда. Начать с того, что оно совсем не походило на больничную палату. Здесь было грязно, душно и неудобно. Маленькое окошко, густо замазанное темно-зеленой краской, не пропускало света.

Мама подошла к стене и стала рассматривать расклеенные газеты. К немалому удивлению, она не смогла прочитать в них ни единого слова. Хотя буквы в большинстве своем были русскими, они никак не желали складываться в осмысленные фразы. То и дело глаз наткался на режущие слух сочетания, вроде «дыр щер тдык». Между колонками текста изредка попадались фотографии: на них были запечатлены руины зданий, груды мусора, остатки разбитых машин... «Наверно, это какие-то таджикские газеты», – подумала мама. Она подошла к двери и повернула ручку замка. Дверь открылась. Мама вышла в коридор, такой же темный, грязный и пустой, как ее комната. В оба конца уходили бесконечные вереницы одинаковых дверей, выкрашенных в серо-болотный цвет.

Мама постояла, недоумевая, что ей теперь делать и к кому обратиться за разъяснениями. Задерживаться тут ей не хотелось. К тому же чувствовала она себя не в пример лучше прежнего – все болезненные ощущения прошли без следа. Но если бы даже это было не так, лечить ее, похоже, никто не собирался. После минутного размышления мама решила, что ей лучше вернуться домой, к дочери. Она пошла по коридору, минут через пять добралась до пустого вестибюля, отворила тяжелую, железную дверь, вышла на улицу и... замерла, пораженная совершившейся за время ее беспомощности переменой.

Над головой нависало черно-фиолетовое беззвездное небо, по которому быстро плыли яркие, серебристые облака. Исходивший от них свет придавал обычному на первый взгляд пейзажу фантастический и совершенно неземной облик. Под чистым безоблачным небом быстро сгущалась ночная тьма; редкие облака рождали бледные сумерки; а под сплошной облачной пеленой делалось светло, словно в пасмурный осенний полдень. Казалось, что день и ночь, забыв извечный порядок, упорно борются тут за каждый пяточок земли. В причудливом, постоянно менявшемся свете предметы то обретали четкие контуры, то начинали таять и быстро растворялись во мраке. Впереди, метрах в десяти вздымался высокий бетонный забор. За забором росло несколько чахлах деревьев. Далее виднелся край широкого луга, через который тянулись к заброшенному карьеру глубокие и безобразные, словно шрамы, колеи. Карьер был завален

всяким хламом и, очевидно, давно использовался как помойка. За ним, далеко на горизонте темнели какие-то строения, но рассмотреть что-либо на таком расстоянии не представлялось возможным.

Куда же она попала? Маме пришлось покопаться в своей памяти, прежде чем она смогла ответить на этот вопрос. Давным-давно, еще во время школьных каникул, она месяца полтора проработала на городском химическом комбинате. С тех пор она его ни разу не посещала, однако по некоторым признакам поняла, что находится теперь на его территории. Но как она здесь очутилась? Почему врачи «скорой», вместо того чтобы доставить больную в реанимацию, привезли ее сюда и оставили одну в странном здании, похожем на тюрьму или на морг? Ответов на эти вопросы не было. Мама спустилась с крыльца и, завернув за угол, вышла на широкую улицу. Туманная дымка и длинные гирлянды мутно-синих, словно плавающих над землей, фонарей делали ее похожей на бесконечный подводный тоннель. В прежние годы на комбинате работало несколько тысяч человек, наполнявших его непрерывным движением. Словно огромное живое существо он гудел и ворочался, погружаясь ночью в море огней, а днем выдыхая в небо густые грязно-желтые облака дыма. Но два десятка лет назад все изменилось: производство развалилось, рабочие уволились, и теперь комбинат походил на фантастический мертвый город. Взору открывались мрачные остовы цехов с замшелыми крышами и темными провалами окон. Вдоль стен в грязи, вперемежку с мусором валялись груды старых, проржавевших бочек. Струи жидкого мертвенно-бледного света заливали фасады заброшенных зданий, стекали с плотных, глянцевых листьев деревьев и разбегались яркими бликами по влажному растрескавшемуся асфальту. Не только облака, но и многие другие предметы этого сумеречного мира излучали слабое свечение. Серебрились серые кирпичные стены. Слабо, словно гнилушки на болоте, фосфоресцировали ветки деревьев. Тускло мерцала сама почва (исходившее от нее свечение было чуть красноватым, и от этого казалось, что земля пропитана кровью).

Откуда-то издавек до мамы долетели звуки бравурного марша. Не поворачивая головы и даже не глядя в ее сторону, мимо проходили странно одетые люди. Римские тоги непостижимым образом соседствовали на них с пиджаками, персидские тиары – с котелками и широкополыми шляпами. На одних женщинах были длинные декольтированные платья, на других – средневековые воронкообразные юбки, на третьих – потертые, дырявые джинсы. Смешение стилей и эпох наводило на мысль о маскараде, но никто не прятал лицо под маской, и ничто не намекало на веселье и танцы.

Мама пошла вслед за остальными. Ее не оставляло ощущение, что она спит и видит дурной сон. Все, начиная с темного и плотного, как свод пещеры, неба, и кончая нарочито-серьезными, сомнамбулическими лицами местных обитателей, представлялось ей нелепым, гротескным кошмаром. Вскоре улица вывела маму к заполненному толпой скверу. Прежде здесь находился двухэтажный заводской клуб. Теперь на его месте возвышалось совершенно неопишное здание, не имевшее в себе ни одной прямой линии. Во вздыбившихся, словно от взрыва, черных мраморных стенах зияли рваные провалы окон, башни были увенчаны головами фантастических чудовищ, а изгибающиеся в разных направлениях колонны напоминали черных змей. Угловатый, похожий на оскалившуюся пасть вход находился на уровне третьего этажа, и к нему вела крутая лестница. На ее ступенях, в несколько рядов стояли оркестранты (в большинстве своем это были барабанщики, волынщики, литаврщики и трубачи), изливавшие на толпу каскады оглушительных звуков. В их номерах мама изредка улавливала мотивы известных маршей, но в большинстве своем исполнявшиеся произведения были ей незнакомы. Порой оркестр начинал выдавать такое, что и музыкой нельзя назвать – над сквером разносились завывания труб, оглушительно звенели литавры, сипло пищали волынки, гудели барабаны. Однако постепенно из этой разрывающей уши какофонии выстраивались резкие, энергичные мелодии, заволаживающие своим ритмом.

Мама помнила, что раньше в сквере стоял памятник Ленину. Но в эту странную ночь все, конечно же, выглядело иначе. Подымаясь на цыпочки, мама, хотя и не сразу, смогла рассмотреть новую скульптуру, высившуюся на месте старой. Образцом для нее послужил хорошо известный сюжет – всадник верхом на коне, с той, однако, разницей, что место живого коня здесь занял огромный конский скелет широко распахнувший уродливые перепончатые крылья. Морда этого чудовищного монстра заканчивалась клювообразной пастью с длинными острыми клыками. Что до всадника, то он показался маме маленьким и жалким. Это был хрупкий мальчик с непропорционально большой, совершенно лысой головой. В руках он сжимал длинное копьё...

Музыка внезапно оборвалась, и над сквером повисла гробовая тишина. Воздух потемнел, сделавшись в то же время гораздо прозрачнее. Тени сгустились, но границы между предметами обрели большую контрастность. Мрак одновременно сконцентрировался и просветлел. Никогда прежде маме не приходилось наблюдать подобных световых эффектов. Она подняла глаза и увидела, как из-за горизонта быстро выкатывается огромное черное солнце. Длинные, гибкие протуберанцы придавали ему сходство с хищной каракатицей, распутившей вокруг себя щупальца. Неистовый вопль толпы приветствовал восход черного светила. Если судить по выражениям лиц, многие из присутствующих пережили в этот момент прилив подлинного энтузиазма. Но прошло всего несколько минут, и они потеряли к происходящему всякий интерес. Толпа стала быстро рассасываться... Мама так же решила уйти. То ли под воздействием черных лучей, то ли по какой-то иной причине облака утратили свой серебристый цвет и сделались багровыми, как это бывает во время восхода или заката. Оглянувшись в последний раз на статую, мама заметила, что кончик копья стал алым, словно его только что вырвали из раны, и с него упало несколько капель крови...

Свернув в переулок между цехами, мама перешла через рельсы, на которых тихо ржавела открытая железнодорожная платформа, и оказалась в узком, похожем на ущелье проходе. Слева тянулась бетонная стена забора, а справа такая же бесцветная кирпичная стена цеха. «Тут была дорога в столовую!» – вспомнила мама. Зайдя за угол, она увидела знакомый фасад одноэтажного здания и застыла в немом изумлении. Над входом, который, как оказалось, мало изменился за прошедшие годы, красовалась вывеска с нелепой надписью «Харчевня» и с еще более нелепым рисунком, изображавшим насаженного на вертел пурпурного дракона. Само по себе это, конечно, не могло смутить маму, ведь ей довелось столкнуться сегодня со множеством других удивительных вещей. Но рядом с крыльцом была установлена огромная клетка, и в этой клетке сидел живой дракон.

Из сказок и фантастических романов мама знала, что драконы – недобрые и могучие существа, однако этот дракон был стар и жалок. Зеленая чешуйчатая кожа сморщилась, ее покрывали бурые, ржавые пятна. Истертые почти до дыр перепончатые крылья свисали со спины как две грязные тряпки. Тонкий хвост нервно подрагивал. Рога на плоской змеиной голове были спилены, в пасти недоставало половины зубов. И в придачу ко всему дракон оказался слепым: под дряблыми веками скрывались рубцы от старых ран – оба глаза были выжжены. Дракон тяжело дышал. Маленькая клетка была слишком тесна для него. Чтобы уместиться, ему пришлось сложиться почти пополам, так что голова лежала между задними ногами, а высокие колени упирались в потолок.

Мама поморщилась. Томившиеся в неволе животные всегда вызывали у нее чувство жалости. Из-за этого она не любила ни цирков, ни зоопарков. Как-то раз, когда в их город приехал передвижной зверинец, мама купила билет и заставила себя пройти вдоль грязных, дурно пахнущих клеток. Зрелище оказалось тягостным и печальным – в памяти остался старый больной лев неподвижно лежавший на полу; бурый медведь со свалявшейся шерстью, уныло рассматривавший посетителей сквозь частую решетку; и большой лобастый волк, который, как заведенный, ходил из угла в угол в своей маленькой клетке. Домой мама вернулась со смутным

чувством вины и горечи. Разумеется, она не повела дочку в эту передвижную тюрьму. Теперь ею овладели сходные чувства.

Мама подошла поближе. Заслышав ее шаги, дракон глухо заворчал и выпустил из ноздрей две струйки едкого дыма. Но, похоже, он сам сознавал, насколько жалкое впечатление должна производить эта демонстрация былой и безвозвратно ушедшей мощи. На морде его выразилось беспокойство. Дракон заскреб пальцами передних ног с тупыми, стертymi когтями, крылья его нервно вздрогнули и прижались к бокам, словно прикрывая кого-то. В то же мгновение послышался тихий писк. Удивленная мама присела на корточки, и увидела небольшого дракончика размером с кошку. Дракончик выглядел очень мило, словно герой детского мультика: изумрудно-зеленые чешуйки поблескивали, как драгоценные камешки, усы задорно топорщились в стороны, мягкие крылышки были аккуратно сложены на спине. Вместо рогов над глазами впадинами выступали две очень милые шишечки. Заметив маму, малыш поднял голову и стал без страха рассматривать ее. Большие, выпуклые глаза излучали ум и любопытство. Маме припомнились слышанные когда-то рассказы о мудрости и проницательности драконов. «Это не звери, вроде собак или лошадей! – промелькнуло у нее в голове, – они разумные, они все понимают и чувствуют, так же как я».

– Как тебя зовут, дружок? – с улыбкой спросила мама.

Спросила просто так, не ожидая ответа. И вдруг в голове ее прозвучал явственный чистый голосок, похожий на звон колокольчика: «Айдоса».

– Ты понимаешь меня! – с изумлением воскликнула мама.

Теперь происходящее предстало перед ней в новом, пугающем свете. Если жестоко мучить бессмысленную тварь, то как относиться к тем, кто лишил свободы и держит в клетке разумное существо? И эта вывеска... Мама вновь взглянула на пурпурного дракона, нанизанного на вертел, и содрогнулась. «Бедняжка, – сказала она, – как же тебя угораздило впутаться в эту историю?»

Неожиданно за спиной послышался тихий скрип двери. Мама оглянулась и увидела на пороге харчевни высокого мужчину-альбиноса. На нем были штаны цвета хаки, кованные солдатские ботинки и кожаный жилет без пуговиц, надетый прямо на голое тело. При виде незнакомца Айдоса отчаянно пискнула. Ее волнение передалось маме. Не умом, а скорее каким-то шестым чувством она поняла, что дракончику грозит смертельная опасность.

– Подожди минутку, – торопливо произнесла она, – сейчас я тебя выпущу...

Задвижка оказалась страшно тугой, но все же ее удалось отодвинуть. Дверца распахнулась.

– Быстрее! – прошептала мама.

Айдоса перевалилась через край клетки и тяжело шлепнулась на мостовую. Подхватив малышку с земли, мама с силой подбросила ее вверх. Драконесса отчаянно заработала крылышками и стала медленно подниматься. Через несколько секунд она взмыла над крышами и оказалась вне опасности.

– Получилось! – воскликнула мама...

И тут ее ослепила яркая вспышка. На несколько мгновений мама лишилась чувств. Когда она вновь пришла в себя, то обнаружила, что лежит на земле. Левая сторона лица мучительно ныла, в ушах стоял гул. Альбинос, наклонившись над ней, протягивал руку. «Он ударил меня!» – догадалась мама. Самого удара она не видела и не помнила. Но мысль, что кто-то посчитал себя вправе бить ее по лицу, была невыносимой. Вне себя от гнева, мама поймала ладонь незнакомца и изо всех сил впиалась в нее зубами. Тот не вскрикнул, не скривился от боли, но только молча схватил ее за волосы и рывком высвободил руку. Следы от зубов были явственно видны на коже чуть ниже запястья, однако не выступило ни одной капли крови, да и самого укуса незнакомец не почувствовал. С тем же безразличным выражением лица, не выказав даже намека на злобу, альбинос намотал мамины волосы на руку, развернулся и пота-

щил ее за собой словно упрямую, упирившуюся собаку. От жгучей боли у мамы брызнули из глаз слезы. Но страшней чем боль была внезапно поразившая ее догадка. «Он не человек! – подумала она, – он бесчувственная тупая машина или, хуже того – оживший мертвец...»

Несколько шагов мужчина просто волок маму по земле. Потом ей удалось каким-то образом подняться на ноги. Спотыкаясь, она поплелась за своим мучителем. Альбинос был невероятно силен, и мама с ужасом поняла, что ему ничего не стоит свернуть ей шею.

Войдя в столовую, мужчина разжал кулак и отпустил волосы. Мама машинально провела рукой по лицу и увидела на ладони кровь. «Хорошенький у меня, должно быть, вид, – подумала она. – Все коленки содраны, колготки в клочья, лицо разбито, на голове не пойми что...» Впрочем, сейчас все это было неважно.

В обеденной зале царил полумрак. Круглые окошки под самым потолком, забранные мутными цветными стеклами, пропускали мало света. Толстые колонны мешали обзору. Подталкивая маму кулаком в спину, альбинос заставил ее пройти в дальний левый угол, где горело несколько факелов, и было гораздо светлее. Посередине освещенного пространства помещался большой стол, за которым сидело шесть необычных личностей весьма зловещего вида.

Левый край занимала старуха в белых одеждах, настолько сухая и настолько тощая, что ее можно было принять за ожившую мумию. Ее плоское безносое лицо с морщинистой и темной, как пергамент, кожей, казалось безжизненной маской, натянутой на голый череп. Но большие красные глаза, словно угли, тлеющие в глубоких глазницах, говорили, что жизнь еще не оставила это тщедушное тело. Напротив сидела другая сморщенная, согбенная старуха с длинными и редкими седыми волосами, которые клоками торчали из ее безобразной головы. Она зябко куталась в черную шаль, и казалась немного не в своем уме: маленькие глазки беспокойно блуждали по залу, а на вытянутом, губастом лице застыла отрешенная улыбка. Рядом с ней помещалось странное существо с телом грузного мужчины, но с тупорылой бычьей головой на плечах. Над теменем у него загибались два кривых рога, на плечи был наброшен темный плащ.

С противоположной стороны стола, рядом с женщиной-мумией восседал другой мужчина с неприятным, морщинистым лицом и огромными оттопыренными ушами. Голову его увенчивал острый колпак, на котором были грубо намалёваны какие-то отвратительные насекомые. По соседству располагалась черноволосая женщина, с красивыми, идеально-правильными чертами лица, но имевшая изможденный вид. Она была в узком черном платье с широкими рукавами и походила на даму, явившуюся на бал-маскарад в костюме летучей мыши. Напротив нее располагался юноша в черном, как ряса, балахоне и с длинными, до плеч совершенно седыми волосами. Белая, с восковым оттенком кожа лица, высокий мраморный лоб и впалые щеки делали его похожим на покойника.

Пробираясь со своим спутником в дальний конец залы, мама слышала обрывки оживленного разговора. Однако все голоса смолкли, едва они вошли в круг света.

– Что это значит, Зонг? – спросил юноша с седыми волосами.

Альбинос ничего не ответил.

В зал из кухни заглянул повар в белом колпаке.

– Позвольте мне, благородный Самуэль, – торопливо проговорил он. – Я все видел, и могу рассказать... Зонг шел за филе. Точь-в-точь, как вы ему приказали, но эта женщина... Она вертелась возле клетки, и когда заметила Зонга, то открыла дверцу и выпустила маленькую драконессу... А та, не будь душой, улетела... Что теперь прикажете делать?

Маме пришло в голову, что все они сидели и спокойно ожидали жаркое из дракона, а теперь повар должен был на ходу придумывать новое блюдо.

– Зачем ты это сделала? – обратилась к ней женщина в черном платье.

– Мне стало жаль бедняжку, – призналась мама. – Айдоса заслуживает лучшей доли...

– Твоя жалость выйдет тебе боком! – со зловещей ухмылкой сообщила старуха в черной шали. (Голос у нее был резкий и грубый, как у каркающей вороны). – Такие проделки не сходят у нас с рук!

– Считаете, мне мало досталось? – с вызовом спросила мама, поднимая измазанную кровью руку.

– Глупость людей беспредельна, Ли, – презрительно заметил юноша, которого назвали благородным Самуэлем. – Вечно они лезут не в свои дела.

– Она молила меня о помощи, – сказала мама.

– Гордишься своей добротой? – с издевкой спросил мужчина в колпаке. – И не замечаешь, как она смешна.

– Доброта не может быть смешной! – не согласилась мама.

– Бесполезно с ней спорить, Вул, – сказал юноша.

И, повернувшись к чудовищу с бычьей головой, распорядился:

– Пора начинать, Мол! Хозяин не может больше ждать.

Тот, кого назвали Молом, поднялся со своего места (он был таким высоким, что рога коснулись потолка) и простер вперед левую руку. Мама заметила, что он сжимает топорик с двумя лезвиями. Послышалась тихая музыка, и в зале появилась странная процессия. Возглавляли ее семь или восемь кукол в черных кожаных куртках с кларнетами и маленькими барабанами в руках. Мама с удивлением подумала, что если бы у Готи была семья, эти куклы вполне могли зваться ее сестрами.

Продвигаясь вперед, куклы неуклюже раскачивались на негнущихся ногах, но их скованные движения замечательно соответствовали той туповато-механической мелодии, которую они старательно выдували и выбивали из своих маленьких инструментов. Следом за музыкантами двигалась другая группа кукол с черными свечами в руках. Замыкала шествие кукла, которая несла чашу, покрытую куском красного бархата. Когда она приблизилась к столу, сидящие за ним встали и всем своим видом выразили глубокое благоговение. «Интересно, что там?» – подумала мама. Впрочем, судя по распространившемуся вокруг зловонью, содержимое чаши вряд ли могло быть особенно аппетитным. «Какая-то гниль или плесень», – решила она.

Музыка сделалась громче. Показались шесть других кукол, тащивших на плечах черный ящик. Когда они поставили его на стол, стало понятно, что это черный полированный гроб с изящными золотыми ручками по бокам. Мол поднял откидывающуюся крышку, и мама увидела под ней маленького, тщедушного мальчика с несоразмерно огромной и начисто лишенной волос птичьей головой. «Опять этот странный малыш!» – сказала себе она. На мальчике был детский костюмчик – рубашка с короткими рукавами цвета хаки и короткие штанишки.

Своей огромной ручищей Мол сдвинул с чаши бархатный покров. Оказалось, что она до самых краев заполнена густой темно-красной жидкостью, явно не первой свежести. Резко усилившаяся вонь сделалась совершенно нестерпимой. Мама почувствовала дурноту и головокружение. Над чашей поднимались густые клубы пара. И в них одно за другим проносились призрачные видения. Маме показалось, что она различает бледную тень корабля, который уходил на дно вместе с сотнями пассажиров. Потом она увидела горную местность и бородатых людей в маскировочных костюмах с автоматами на груди, подкрадывавшихся к дороге, по которой медленно ползла колонна из танков и грузовиков. Один из бородачей положил на плечо толстую трубу. Полыхнул огонь, и передний танк замер на месте, объятый пламенем. Движение колонны застопорилось. На бросившихся во все стороны солдат полился сверху смертоносный свинцовый ливень. Мама тряхнула головой, пытаясь избавиться от страшного наваждения, и... увидела город на берегу реки. Тысячи людей в панике покидали свои жилища, а за их спиной хорошо просматривалось приземистое бетонное сооружение, над которым колыхалось зловещее грибообразное облако черного дыма...

Мол взял в руки чашу, сделал большой глоток и передал ее юноше с седыми волосами. Тот в свою очередь отпил кровавого напитка и поднес чашу женщине в костюме летучей мыши. От нее она перешла сначала к мужчине в колпаке по имени Вул, потом к мумии в белых одеждах и к старухе с черной шалью на плечах, которую звали Ли. Приложившись к чаше, каждый из участников трапезы молитвенно скрещивал на груди руки. Мама заметила, что в глазах их появился лихорадочный блеск, а зубы заметно удлинились. «Это какой-то обряд круговой поруки, – промелькнуло у нее в голове. – А эти шестеро, кто они такие? Сборище вампиров?»

Получив обратно чашу, Мол шагнул к открытому гробу. Две куклы приподняли мальчику голову, чтобы он мог пригубить напиток. В этот момент рубашечка распахнулась, и мама увидела на груди глубокую рану, из которой медленно сочилась кровь. «Он жив!» – догадалась она. И действительно – то ли мальчик очнулся от забытья, то ли напиток оказал на него возбуждающее воздействие, но только глаза у него открылись. Маленькие ручки шевельнулись и легли на края гроба. Самуэль помог ему сесть. Обычно мама не могла спокойно глядеть на детей, пораженных неизлечимым недугом. Ее переполняли жалость и чувство вины. Но при взгляде на этого юного старичка она испытала только гадливость. Ей вдруг подумалось, что изборожденное морщинами лицо есть самый точный и правдивый портрет его порочной души – отвратительной, злобной и безжалостной.

– Спасибо, Сэм! – медленно проговорил мальчик. Голос у него оказался неожиданно сильным и глухим, как у старика.

– Мы счастливы видеть вас, милорд, – сказала женщина в костюме летучей мыши.

– Моя сестра уже здесь? – спросил мальчик.

Его взор стал медленно переходить с одного лица на другое и наконец остановился на маме.

Сардоническая усмешка тронула его тонкие бескровные губы.

– Вот она, – проговорил мальчик. – Теперь я ее вижу.

Мама встретилась с его холодными, темными глазами, и ей стало не по себе.

– Это какая-то ошибка, – пробормотала она. – У меня никогда не было братьев.

– Наша матушка постаралась уничтожить всякую память обо мне, едва только смерть смежила мне глаза, – криво улыбнулся мальчик. – Но если ты захочешь, то, конечно, меня вспомнишь...

«Что он имел виду, когда сказал: "смерть смежила мне глаза..."?», – подумала мама.

Страшная мысль вдруг шевельнулась у нее в голове...

– Этого не может быть! – хрипло проговорила она. – Если бы я умерла, я бы почувствовала...

– Я бы знала, я бы почувствовала! – передразнила ее старуха по имени Ли. – Что ты можешь в этом понимать?

– Я хотела сказать, – поправилась мама, – что не смогла бы этого не заметить...

– Вот как? – насмешливо произнес мальчик. – Скажи в таком случае, где ты сейчас находишься?

– Я... я не знаю, – призналась мама. – Это похоже на какой-то нелепый сон...

– Это не сон, – сказал мальчик-милорд, – это реальность более реальная, чем все остальные реальности вместе взятые. – Ты в аду, сестричка. Потому мы с тобой и встретились...

Мама хотела что-то возразить, но так и застыла с открытым ртом.

Мальчик подождал несколько секунд, а потом устало прикрыл глаза.

– Разрешите, я провожу ее, милорд? – спросила женщина в черном костюме.

– Сделай одолжение, Нес, – кивнул тот...

Незнакомка встала из-за стола, взяла маму под локоть и повела ее к выходу из столовой. Рука у нее была холодная, как лед. Мама подошла к двери, толкнула ее... и в смятении отшатнулась назад. Старый комбинат, площадь среди заброшенных цехов – все исчезло! Мир,

открывшийся за порогом харчевни, был совершенно не похож на тот, который она покинула всего полчаса назад...

7. Сестры

Когда Анжелика открыла глаза, она довольно долго не могла понять, где находится, и что с ней происходит. Голова у девочки работала плохо, мысли путались. Но постепенно в памяти одно за другим начали всплывать события сегодняшнего дня: день рождения, болезнь мамы, долгие блуждания по городу, разговор на мосту со странным незнакомцем, возвращение домой по ночным улицам, а потом... что же было потом? «Ах, да! – вдруг вспомнила она, – кукла!» Анжелика поспешно перевернулась с одного бока на другой, и опустила ноги на пол. Точно так же поступил бы на ее месте всякий, кто решил встать с кровати. Однако последствия этих естественных движений оказались в высшей степени необычными. Вместо того что бы просто, распрямляя тело, встать на ноги, она вдруг взмыла вверх и повисла, раскинув руки под самым потолком.

Прямо под собой Анжелика увидела лежавшую ничком девочку в голубом домашнем платье. «Такое же, как у меня!» – промелькнуло у нее в голове. И чем дольше разглядывала она незнакомку, тем больше находила в ней сходства с собой. У девочки были такие же светлые волосы, такой же рост, и такое же колечко, на безымянном пальце правой руки, бессильно отброшенной в сторону... Через две или три минуты Анжелика окончательно уверилась в том, что рассматривает со стороны саму себя. Но как такое могло случиться? «Если она – это я, – думала Анжелика, – то кто же тогда я? И если я лежу лицом вниз, как могу я видеть себя со стороны? Ну, конечно! Я сплю и думаю, что вижу себя... Хотя, если разобраться, все как раз наоборот: на самом деле я вижу себя и думаю, что сплю! А если я не сплю, тогда что же? Выходит, что я...»

– Не бойся! – послышалось голос за ее спиной. – Ты пока не умерла!

Анжелика обернулась и нос к носу столкнулась... С кем бы вы думали? С самой собой! Похоже, кто-то решил окончательно ее запутать и сбить с толку, обрушив целую лавину несуразностей. Впрочем, она тут же сообразила, что хотя лицо у незнакомки было точь-в-точь, как у нее, одета она иначе: на ней было серое шерстяное платье с вышитым на груди горящим факелом и красный плащ с капюшоном; на ногах красовались полусапожки с пряжками, а волосы стянуты в «хвостик» у затылка. («Где-то я уже видела этот наряд!» – подумала Анжелика и сразу вспомнила свой давешний сон).

– Ты не умерла, – повторила незнакомка (подобно Анжелике, она не стояла на земле, а висела в воздухе, но выглядела при этом гораздо увереннее). – И ты не спишь! Наоборот, ты проснулась и поняла, что представляет собой этот мир на самом деле.

– А что он собой представляет? – растеряно переспросила Анжелика, которая вовсе не была уверена в том, что хоть что-то понимает.

– Призрак, – спокойно произнесла девочка с хвостиком. – Одну только видимость...

Это было неожиданное заявление. Впрочем, странностей за последнее время случилось столько, что Анжелика невольно начала к ним привыкать.

– Что же тогда... не призрак? – с запинкой спросила она, хотя это был не самый важный вопрос, на который она хотела бы получить ответ.

– Ну, например, Аирб, который ты мельком видела вчера, – отвечала девочка с хвостиком.

«Аирб», – повторила про себя Анжелика, припоминая, что уже слышала это слово – оно промелькнуло в бессвязной речи карлика на мосту.

– Видела вчера? – с сомнением переспросила она.

– Ну, разумеется! – нетерпеливо проговорила незнакомка. – Ты ведь была вчера на Вонайкее в небе над Городом.

– Ты... ты не могла меня видеть, – возразила Анжелика. – Потому что... потому что это было во сне.

– Это был не сон, – строго сказала девочка с хвостиком. – Матушка Зенобия говорила мне, что у обитателей Асиата бывают иногда минуты просветления, и тогда их душам открывается реальность Аирба. Так и случилось с тобой. Надеюсь, ты успела меня заметить. Я-то тебя хорошо разглядела и пришла теперь по твоему следу, потому что сразу тебя узнала. Ну а ты догадалась, кто я такая?

– Мне кажется, да, – тихо ответила Анжелика. – Ты... ты моя сестра Вероника. Но только этого не может быть. Ведь ты давным-давно умерла. Тебя нет. Я видела на кладбище твою могилу...

– Отчего не может быть? – возразила девочка. – Мое тело там, а я здесь. Твое бесчувственное тело лежит сейчас в кровати, а ты беседуешь со мной под потолком. Разве не так?

Отрицать очевидное Анжелика не могла. Но то, о чем говорила ей сестра, было так нелепо, что она продолжала сомневаться.

– Тело далеко не самое важное, – продолжала свою речь Вероника. – При желании без него можно легко обойтись. Или тебе никогда не рассказывали о душе?

На самом деле, она была очень близка к истине. Сколько помнила себя Анжелика, никто прежде не вел с ней подобных разговоров. Это, конечно, не означало, что девочка ничего не слышала о душе. Но только сведения эти были какие-то отрывочные, случайные и несерьезные.

– Но почему же? – смущенно заговорила она, то и дело спотыкаясь, словно отвечала невыученный урок. – Я знаю, что душа... она... это... спрятана где-то внутри тела... Она... такая невидимая, как призрак... И когда человек умирает... душа улетает на небо. Потому что она не может умереть... вот. Получается, что я все-таки умерла?

– Нет, ты не умерла, – возразила Вероника. – И не умрешь, если сделаешь все, как я скажу. А то, что ты говоришь, в целом немного напоминает правду. Ужасный вздор, конечно, что душа это призрак. Наоборот, призрак – тело. Оно всего лишь видимость, как и весь ваш телесный мир.

– Не знаю, – неуверенно протянула Анжелика, – но раз ты так говоришь...

– В это, наверно, трудно поверить, – согласилась Вероника. – Но вот тебе доказательство: что такое тело без души? Безжизненный труп! А душа тогда только и начинает жить по-настоящему, когда избавляется от тела. Мне, правда, приходилось слышать, что Асиат – это обратная сторона Аирба, но в действительности – он только его отражение.

– Ты меня совсем запутала! – жалобно вздохнула Анжелика. – Говоришь так, будто я знаю, где Аирб и где Асиат. Что это вообще такое?

– Асиат – то, что ты видишь сейчас вокруг нас, – объяснила Вероника. – Для души здесь не лучшее место. Как только она избавляется от тела, то сразу спешит перенестись в Аирб. Обычно это случается после того, что вы называете смертью. Однако порой, когда поблизости есть Врата, душа может попасть к нам еще до смерти.

– Но у меня... поблизости... нет никаких Врат, – возразила Анжелика.

– Почему же нет, а это что? – ответила Вероника и указала на зеркало.

Анжелика бросила взгляд на стену и машинально отметила про себя, что не видит в зеркале своего отражения, – одну лишь только пустую комнату.

– Демоны и ангелы могут преодолевать Межмирье, – продолжала Вероника. – Все остальные, даже маги, пользуются переходами. Мы называем их Вратами.

– Это что-то вроде дверей? – спросила Анжелика.

– Совсем не обязательно, – ответила Вероника. – Врата – незримая грань между сферами телесного и душевного. Их можно устроить в любом месте. Но, как правило, Врата скрыты в магическом зеркале. Посторонним такое зеркало кажется обычным. Но, если у тебя есть ключ, через него легко проникнуть в Аирб и вернуться обратно.

– Удивительно! – воскликнула Анжелика. – А я думала, все сказки про Зазеркалье сплошная выдумка.

– Конечно, выдумка! – подтвердила Вероника. – Врата открываются для одних только душ. Тела через них не пройдут... Странно, что ты не знаешь таких очевидных вещей.

– Но откуда в нашем доме Врата, – спросила Анжелика.

– Я бы тоже хотела это понять, – заметила сестра.

Она подплыла к стене и осмотрела резную раму. Потом медленно скользнула в маленькую щелку за зеркалом и исчезла. Анжелика тревожно прислушалась. В доме царила абсолютная тишина. Через минуту Вероника вынырнула обратно.

– Здесь что-то не так, – сообщила она.

– Только здесь? – с горькой иронией переспросила Анжелика.

Вероника вопросительно посмотрела на нее. Взгляд у нее был строгий и укоризненный.

– Ты хочешь сказать, с зеркалом твориться что-то не то, а все остальное, что – идет так, как надо? – сказала Анжелика. – Моя... наша мама в реанимации, меня саму чуть не убила собственная кукла, я лишилась тела и теперь, как ни в чем не бывало, болтаю с умершими. Это, по-твоему, нормально?

Вероника оставила ее тираду без внимания. Только пожала плечами и вновь обратилась к зеркалу.

– Обычное зеркало, хотя и очень старое, – пробормотала она. Никакой магической обработки, но есть одна странность – в раме устроен тайник.

– Тайник? – вяло поинтересовалась Анжелика, – я и не знала.

– Теперь тайник пуст, – сообщила сестра. Здесь хранили что-то длинное и узкое. Какой-то артефакт, обладавший огромной магической силой. Благодаря ему, это зеркало открылось в нашу реальность и стало Вратами.

– Длинное и узкое? – повторила Анжелика. – Быть может, наконечник копья?

Она начала рассказывать про вчерашнее видение. Вероника внимательно выслушала ее историю.

– Значит, ты проскользнула в Аирб, когда потянулась за копьем? – подытожила она.

Анжелика кивнула.

– И тот странный тип, с которым я столкнулась на мосту, – вдруг вспомнила она, – он тоже что-то толковал о копье. Что-то невероятное и жуткое.

Анжелика, как могла, пересказала сестре бессвязный разговор, состоявшийся между ней и карликом.

– Ты действительно пригласила в дом демона? – строго спросила Вероника.

– Я... я никого не приглашала, – возразила Анжелика, впрочем, не очень уверено. – Эта кукла... сама не понимаю, что меня в ней заворожило... Мне очень хотелось ее иметь... И когда голос обратился ко мне... все получилось так неожиданно... что я... что я сказала: да...

– Ничего не понимаю, – поморщилась сестра, – говори толком.

Пришлось рассказать ей также об инциденте в магазине, о таинственном голосе, который она услышала, лежа на кровати, и о мимолетном видении, промелькнувшем в зеркале – о мальчике с большой птичьей головой.

На лице у Вероники появилось выражение беспокойства.

– Похоже, я не зря к тебе заглянула, – сказала она, – у вас с мамой большие проблемы. Где эта кукла?

– Наверно там же, где я ее оставила, – ответила Анжелика, – в ящике с игрушками.

Вероника тотчас отправилась исследовать ящик.

– Старик не обманул, – сообщила она, вернувшись через минуту, – кукла и вправду была заколдована. Есть такой род демонов, который нападает во сне. Если нет защиты, с ним нелегко справиться... И еще эта булавка...

– Она была отравлена? – срывающимся голосом спросила Анжелика.

– Отравлена? Едва ли, – покачала головой Вероника. – Тот, кто все это подстроил, помышлял не об убийстве. Ему нужны были ваши души. Бедная мама! После укола булавкой у нее не оставалось никаких шансов.

Мысль, что это она виновата в маминой болезни, глубоко поразила Анжелику. Подавленная и смущенная, она спросила:

– Кто же все это подстроил?

– Разве карлик не признался тебе, что он был мастером куклы? – ответила Вероника. – А вот кто его Хозяин, я понять не могу. Старик – наша единственная зацепка. Надо слетать на мост и осмотреть место, где вы встретились.

– Зачем? – удивилась Анжелика.

– Все существа оставляют после себя след. Я смогу, по крайней мере, узнать, из Аирба твой карлик или из Асиата, – объяснила Вероника. – А потом решим, что нам делать дальше.

Анжелика хотела выйти через дверь, но Вероника остановила ее.

– Не будем тратить времени, – сказала она.

Взявшись за руки, они выпорхнули прямо в окно. При этом, проходя сквозь стекло, Анжелика ничего не почувствовала, словно того не существовало вовсе.

Город казался погруженным в сон. На улицах не было пешеходов, на дорогах – машин, в окнах света. Тусклый уличный фонарь напротив подъезда Анжелики освещал только небольшой кусочек двора...

– Тс-с, тихо, – прошептала Вероника. – Тебя уже ищут.

Она увлекла сестру к старому кирпичному гаражу, располагавшемуся неподалеку от дома. Через мгновение они уже были под его крышей. Анжелика даже не успела почувствовать, как они пролетели сквозь стену.

– Кто... кто меня ищет? – так же шепотом спросила она.

– Разве ты сама не видишь?

– Как я могу что-то увидеть, раз мы внутри гаража? Здесь такая темень, что я даже рук собственных не рассмотрю.

– Глупости! – возразила Вероника. – Ты просто ленишься. Сосредоточься и смотри!

Анжелика изо всех сил напрягла глаза. Поначалу она ничего не могла разобрать. Но потом тьма стала редеть, и вскоре в гараже сделалось светло как днем, так что был виден каждый шов между бетонными плитами на потолке. Но и это не все! Анжелика заметила, что крыша и стены перестали служить препятствием для ее окрепшего зрения. Нет, они никуда не исчезли, только сделались прозрачным, словно оконное стекло. Теперь Анжелика очень хорошо видела кроны деревьев и стену соседнего дома, крыши девятиэтажек вдали и приземистое здание котельной с высокой трубой. А еще через мгновение она увидела ЕЕ – женскую фигуру, с ног до головы закутанную в белые одежды и с опущенным на лицо капюшоном. Фигура приближалась к ним, но невозможно было сказать – идет она, или плывет над землей. Точно также невозможно было определить далеко незнакомка или близко, медленно она перемещается или несется навстречу с невероятной скоростью. Даже размеры ее оставались неясными. Она могла быть крошечной – величиной с палец или огромной, под стать подъемному крану. Ведь люди привыкли судить о любой вещи по ее окружению. Сопоставляя между собой различные предметы, они делают выводы об их размерах, их расположении и их перемещении. Но эта странная и страшная женщина никак не была связана с привычным для Анжелики окружающим миром. Как бы вам лучше объяснить? Представьте себе полотно большой, мастерски написанной картины. Пока смотришь на него, кажется, что созерцаешь кусочек реальной жизни. Но вдруг кто-то неведомый подходит к картине сзади, разрывает полотно и внезапно оказывается перед вами. На фоне нарисованного сюжета он выглядит странно и нелепо. Но вы сразу понимаете, что этот незванный гость и есть подлинная реальность, а фон – только ее

иллюзия. Примерно тоже произошло с Анжеликой: панорама родного города, хорошо знакомая ей с младенческих лет, внезапно представилась ей куском нарисованного полотна, которое при желании можно просто свернуть и убрать в сторону. А женщина в белом, напротив, была до ужаса реальна. И это была такая реальность, которая может привидеться только в ночном кошмаре. Вот незнакомка показалась на фоне котельной, и Анжелике представилось, что рост ее достигает пятнадцатого или шестнадцатого этажа. Потом она вдруг появилась на ветке дерева, над самой их головой, и была не больше воробья. Наконец ее белые одежды мелькнули вблизи Анжеликиного дома, но нельзя было понять – находится она перед зданием или уже за ним. Предметы, к которым приближалась женщина, делались блеклыми, «невсамоделешными», они как бы истончались до полного исчезновения, словно на них падала отбрасываемая ею зловещая тень...

Когда незнакомка скрылась вдали, Вероника с облегчением перевел дух.

– Не заметила! – тихо сказала она. – Но это ненадолго! Она обязательно вернется.

– Кто это был? – с дрожью в голосе спросила Анжелика. Ей казалось, что она все еще ощущает на себе мертвящее дыхание белой женщины.

– Это Сагрит, – с ударением произнесла сестра, как будто сообщала Анжелике о чем-то ей хорошо известном. – Я знаю, что здесь ее называют демоном смерти. На самом деле у смерти много лиц, но Сагрит – самое жуткое из них.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – с отчаянием призналась Анжелика.

– Не важно, – нетерпеливо воскликнула Вероника. – Я должна еще многое тебе рассказать, а для этого нужно время.

Она замолчала, напряженно размышляя, потом приняла какое-то решение и сказала:

– Я знаю, где мы поговорим без помех! Следуй за мной!

Вероника схватила сестру за руку и потянула вверх, туда, где над их головами загадочно желтела Луна. Обратив взгляд на ночное светило, Анжелика с удивлением заметила, что его диск стал заметно раздаваться в стороны. Он разбухал и ширился буквально на глазах. А когда она посмотрела вниз, сердце в ее груди похолодело от ужаса. И было с чего! Буквально за считанные мгновения они вознеслись на головокружительную высоту и теперь с невероятной скоростью удалялись прочь от Земли. Линия горизонта исчезла, и взгляду открылись беспредельные пространства космоса. Прямо под ее ногами, в окружении агатовой черноты, висел огромный земной шар, обращенный к ней своей ночной стороной. На темно-фиолетовом фоне морей отчетливо выделялись более светлые контуры материков. Макушка белела шапкой арктических снегов. Вся суша, словно новогодняя елка, была усыпана мириадами разноцветных огоньков: это светили им вслед далекие города!

Необычность происходящего должна была повергнуть девочку в крайнее изумление, но Анжелика уже не имела сил удивляться. «Наверно, я все-таки сплю! – подумала она. – Вот только сон мой какой-то жутковатый. Скорее бы он кончился».

Увы, сон явно не спешил заканчиваться! Напротив, с каждым мгновением он делался все более фантастичным. Земля быстро сокращалась в размерах, а лунный диск, напротив, так же стремительно разрастался. Когда Анжелика вновь подняла голову, она уже не могла охватить его одним взглядом. Бугристая и ноздреватая поверхность Луны была испещрена множеством черных круглых пятнышек, обрамленных яркими полуколечками света. Девочка догадалась, что видит знаменитые лунные кратеры. Лучи восходящего солнца уже осветили вершины кольцевых гор, но не могли разогнать ночного мрака на дне впадин. Яркий контраст света и тьмы буквально резал глаза...

В следующую минуту Анжелика и ее спутница коснулись ногами лунной поверхности. Впрочем, слово «коснулись» едва ли тут было уместно. Ведь их тела ничего не весили и потому не оставляли следов. Ни одна крупинка лунного грунта не шелохнулась под ними.

Анжелика замерла, завороженная необычайной картиной. Они находились на вершине достаточно высокой лунной горы с крутыми обрывистыми склонами. Впереди лежала каменная равнина, изрезанная небольшими расселинами и пологими, продолговатыми холмами. Дальше, в нескольких километрах от них, виднелась противоположная горная цепь кратера. Уходящие в небо острые неровные зубцы ее пылали слепяще-белым пламенем и резко выделялись на фоне черного неба. От них спускались вниз полосы и кольца, играющие всеми цветами радуги. Подножия гор еще не были освещены солнцем, они тонули в темноте и были почти не заметны. Оглянувшись, Анжелика увидела ослепительно яркий шар солнца, едва поднявшийся над близким лунным горизонтом. Черное небо вокруг, словно мелким песком, было усеяно бесчисленным множеством звезд. Окружающий ландшафт выглядел пустынным, диким, даже устрашающим. Но в то же время он поражал своей необычной, неземной красотой. Это был мир без смягченного света, без полутеней, слепяще-белый под лучами Солнца и непроглядно-черный в тени.

8. Та и эта реальности

- Нравится? – спросила Вероника. – Мне тоже! Хотя реальность Аирба совсем-совсем иная.

– Я знаю, – сказала Анжелика. – У нас одно солнце, а у вас – два: золотое и черное. Одно – прекрасное и ласковое, а другое какое-то недоброе.

– Ты все верно поняла, – подтвердила Вероника. – Маир и Ништрок – два светила и два полюса нашей реальности. Испокон веков повелось так, что все, кто служат Свету, возносятся, в конце концов, к Маиру. А те, кто предался Тьме... Их поглощает Ништрок...

– Поглощает Ништрок? – осторожно повторила Анжелика. – Это плохо?

– Да! – отозвалась Вероника. – Это очень плохо. Для меня нет ничего хуже. Ништрок – бездна, жуткая мрачная Тьма... Но самое страшное в том, что Тьма эта живая... и голодная...

Анжелика поначалу была озадачена ее словами, но потом подумала: «Если тело – всего лишь призрак, то почему бы Тьме не быть живой и голодной?»

– Понимаешь, – продолжала сестра, – Маир тоже забирает твое «Я», но после этого ты становишься «Все́м». Тебе открываются чувства и воспоминания всех, кто был до тебя. А им открываются твои чувства и воспоминания. Ты сливаешься с ними, они сливаются с тобой. Маир – это не я и не ты! Это – мы!

Анжелика неуверенно кивнула.

– Ништрок – совсем другое! Он проглатывает дух, он забирает твое «Я» ничего не давая взамен! Он поглощает твои воспоминания, а ты обращаешься ни во что.

– А город, что я мельком увидела в своем сне? – спросила Анжелика, – что это за место?

– Просто Город, – сказала Вероника. – Иногда его называют Город-на-Острие. Это центр Вонайкеи – мира, где протекала моя жизнь, с тех пор, как я покинула эту реальность.

– Как это жизнь? – удивилась Анжелика, которая никак не могла увязать это слово с тем существованием души, что начинается после смерти.

– Обыкновенная жизнь, – повторила Вероника с некоторым вызовом, – ничуть не хуже, чем твоя. Как и всем младенцам, покинувшим Асиат сразу после рождения, мне предназначено было явиться из магического зеркала в одном из жреческих Домов Аирба. Волею судьбы местом моего второго рождения стал Дом Весты на Вонайкее... Ты видела ее и поэтому представляешь, о чем я говорю. По форме наш мир подобен длинному веретену. Его Восточное Острие, погруженное в вечный мрак и холод, остается необитаемым. А на Западном, где располагается единственный на Вонайкее Город и проживает большая часть жителей, напротив, царят бесконечное лето и вечный день. Ништрок на пару с Маиром, никогда не скрываются там за горизонтом и непрерывно кружат по небосводу, как два бойца перед началом поединка...

– Не думала, что такое возможно, – прошептала Анжелика.

– Я редко бывала в Городе, – продолжала Вероника. – Ведь от храма Весты до него – пять часов лета. Обитель наша располагается на берегу большого Озера (подобно Городу, оно единственное на всю Вонайкею, и потому нет нужды придумывать для него название). И все здесь не так, как на Острие. За осенью у нас следует зима, за весной – лето. День проходит под лучами Маира, а ночь отдана во власть Ништрока. И не бывало такого случая, чтобы два светила появились на небе одновременно...

– А эти ваши «Дома», – спросила Анжелика, – что они такое?

– Это трудно объяснить, – задумчиво произнесла Вероника. – Дом – это больше, чем семья. Хотя для всех, кто явился в Аирб, он скорее семья, чем все остальное. Я всегда помнила, что где-то безумно далеко, в призрачном Асиате, у меня остались сестра и мама, но в Аирбе моей матерью стала настоятельница – матушка Зенобия, моей строгой воспитательницей – ключница Мын-ли, а наперсницей – кухарка Гудрун. Две младшие жрицы – Марфа и

Мария – скорее мои подруги, ведь их посвящение, состоялось уже на моих глазах ... Наш Дом – Дом Весты – далеко не такой многолюдный, как правящие Дома Мамоны, Ориэля и Фурфура, – но явления в нашей Приемной башне совершаются регулярно, и матушка Зенобия каждый год отправляется в Город на Осенний бал с пятью-семью (а иногда и с десятком) своих воспитанниц.

Вероника задумалась на минутку. Ее строгое лицо просветлело, под влиянием каких-то приятных воспоминаний. Потом она тряхнула головой, словно прогоняя наваждение, и сказала:

– Ах, эти ежегодные балы! Их устраивают в городской Ратуше. Вступая в Банкетную залу, мы каждый раз замирали от восхищения, будто попадали в волшебную сказку! Через высокие витражи окон внутрь вливаются потоки яркого света. Мощные столбы, поддерживающие сводчатый потолок, раскрашены в разные цвета и сверкают, словно елочные украшения. Сверху свешиваются бронзовые люстры, отлитые в виде древесных веток...

В день бала зал буквально забит горожанами – мужчинами и женщинами, разряженными в пух и прах. Мужчины держатся свободно и непринужденно: громко переговариваются и смеются. Зато их жены ведут себя тихо и внимательно всматриваются в группы воспитанников у противоположной стены.

Все смолкает, когда с балкона, где теснятся музыканты, раздаются звуки менуэта и первая пара – мальчик с девочкой из какого-нибудь городского Дома, – плавно выплывают на середину зала. К первой паре тотчас присоединяется вторая, затем третья...

По окончании менуэта, мы задорно отплясываем паспье. Затем по залу разливаются нежные звуки лютни, которая выводит первые такты гальярд. ... Едва затихает музыка, взрослые оживляются. Многие покидают свои места и устремляются в центр зала, вслед за приглянувшимися им детьми. Крошек останавливают, перед ними садятся на корточки, пожимают их ладошки, выспрашивают имена. Это величественная минута – прекрасная для одних, и трагическая для других. Едва ли кто-нибудь сможет объяснить чувства взрослых, которые заставляют их с воодушевлением кидаться к одному ребенку, и равнодушно отворачиваться от другого. Я до сих пор не могу вспоминать без боли свой первый Осенний бал. Как я мечтала тогда о маме и папе! С какой надеждой взирала на собравшихся в зале горожан! И какое жестокое разочарование ожидало меня в конце! Моих подружек расхватили после первых же танцев, а на меня никто не обратил внимания, словно я была пустым местом. Раз за разом я входила в круг танцующих детей, с замирающим сердцем смотрела на снующих вокруг мужчин и женщин и вновь переживала горечь отторжения. Последний круг мне пришлось танцевать в полупустом зале, вместе с двумя десятками таких же растерянных отщепенцев... Всю обратную дорогу, сидя в гондоле, я проплакала на груди у матушки Зенобии, а та, нежно поглаживая мою головку, шептала на ухо: «Не беда, не выбрали в этот раз, выберут в другой! Просто твоя мама где-то задержалась и не явилась пока на Вонайкею! Но она думает о тебе и тоскует по своей девочке. Ты обязательно с ней встретишься!»

Увы, она ошибалась, и эта, обещанная ею встреча, так никогда и не состоялась – ни на второй, ни на третий, ни на четвертый год. Свою последнюю, пятую попытку, которая представлялась мне в прошлом году, я сама отказалась использовать. Накануне бала я объявила матушке Зенобии, что не желаю покидать храм Весты. Настоятельница обещала подумать о моих словах, но ни разу за весь год не возвращалась к прерванной беседе. Лишь вчера, сразу по окончании бала, когда мы дожидались на площади перед Ратушей Юрулю – нашу тягловую птицу – матушка сжала в своих руках мою ладонь и объявила о своем решении провозгласить меня шестой жрицей!

Вероника замолчала, разглядывая далекую Землю. На освещенной стороне планеты была отчетливо видна Америка – буро-коричневая на западе и зеленая на востоке. Но большая часть Атлантического океана и лежащая за ним Европа скрывались в темноте. Анжелика, заворо-

женная рассказом сестры, не спешила прерывать затянувшуюся паузу. Перед ее мысленным взором проплывали яркие образы чужого, неведомого мира... Какие-то таинственные Дома с мудреными названиями... Два светила на небосводе... Реальность, где нет пап и мам, где дети являются из магических зеркал и обретают родителей во время странной церемонии, именуемой Осенним балом... Как все это не похоже на ее школьные будни, возню с куклами или игры во дворе! «Да, – сказала себе Анжелика, – у Вероники была совсем другая жизнь!»

Анжелика хотела продолжать расспросы, но сестра поднесла палец к губам, призывая к молчанию. Проследив за ее взглядом, Анжелика заметила белую фигуру, на мгновение проступившую сквозь черноту звездного неба, и вновь растворившуюся в ней.

– Сагрит! Она вот-вот возьмет наш след, – прошептала Вероника. – Увы, от нее не спрячешься. Надо спешить.

Она схватила сестру за руку, и они покинули поверхность Луны с той же непостижимой быстротой, с какой прежде добрались до нее...

Спустя несколько минут Анжелика вновь оказалась над своим родным городом, укутанным в ночную тьму. О том, что они стремительно приближаются к Земле, можно было судить по огням, которые разгорались, множились и распались прямо на глазах, превращаясь в цепочки освещенных улиц или тонкие ручейки шоссе.

Наконец они снизились настолько, что девочка начала узнавать знакомые места. Вот появилась река, петлявшая среди застланных туманом полей. Одинокие липы в призрачном лунном свете выглядели уснувшими сказочными великанами. За полями потянулись городские окраины. Деревянные дома сменились кирпичными пятиэтажками. Показалась громада отеля и неподалеку от него – автомобильный мост. Не смотря на поздний час на шоссе было довольно много машин.

– Откуда появился твой карлик? – спросила Вероника.

– Я... я не помню, – сказала Анжелика. – Я стояла вон там, возле столба на тротуаре, а он вдруг заговорил со мной.

Вероника опустила в указанном месте, встала на колени и стала внимательно изучать асфальт возле перил моста.

– Ты заметила что-нибудь необычное? – поинтересовалась она.

– Он был очень странный... и говорил такие необычные вещи. Не удивлюсь, если он из твоей реальности...

– Нет, – сказала Вероника, поднимаясь с колен. – Он был существом из плоти и крови. Следы очень ясные. Думаю, он не обманул тебя, когда сказал, что мечтает о смерти...

– И ты можешь узнать, откуда он пришел?

Сестра не успела ей ответить, потому что как раз в это мгновение из-под земли рядом со стеной отеля бесшумно выросла гигантская человеческая голова с опущенным на лицо капюшоном.

– Сагрит! – прошептала Вероника.

Расширившимися от ужаса глазами девочки молча наблюдали, как рядом с головой прямо сквозь крышу «Макдоналдса» поднялась длинная костлявая рука. Мгновением позже из воды вытянулась другая. Они были невероятно худы. Скрюченные, покрытые сухой морщинистой кожей кисти с длинными когтями на пальцах напоминали птичьи лапы. Демоница ухватила за угол капюшона и стащила его с себя. Ее лысая яйцевидная голова с лицом мумии была обтянута темной, как пергамент, кожей. Острый подбородок резко выдавался вперед. Нос, напротив, едва возвышался над впалыми щеками. В глубоких провалах глазниц, словно в устье печи, сверкали отблески багрового пламени. Устремив их на сестер, Сагрит издала клацающий звук и взвилась в небо. Казалось, распутив крылья, над городом реет хищная птица.

– Бежим! – крикнула Вероника.

Она схватила сестру за руку и понеслась вдоль шоссе, прямо сквозь стекла мчавшихся им навстречу автомобилей. Перед глазами Анжелики, как в ускоренной киносъемке, замелькали горящие фары, несущиеся на них лобовые стекла машин и лица шоферов. Каждый раз, проносясь сквозь салон, девочка невольно зажмурилась, ожидая удара, но не чувствовала ничего. И лишь одно в этом странном призрачном мире оставалось для нее реальным – леденящее спину дыхание Сагрит. Дважды или трижды рука с острыми птичьими когтями почти что настигала их, однако в последний миг Вероника успевала от нее увернуться. Подобно дельфинам, которые ищут спасения в глубине моря, они ныряли под асфальт и неслись в темноте через слои глины, песка и доломита, врывались в широкие трубы канализации и потом вновь выныривали на поверхность прямо под колеса автомобилей. Вскоре Анжелика сообразила: ее сестра не просто мечется из стороны в сторону, но кружит вокруг ее дома, стараясь приблизиться к нему то с одной, то с другой стороны.

Один из сложных маневров Вероники, казалось, увенчался успехом – они уже видели впереди крышу анжеликиного дома, но опять не сумели до него добраться. Голова Сагрит со страшными пылающими глазами внезапно возникла у них на пути. Очередной нырок – и они устремились вниз, вглубь земли. Потом, прервав безумное пике, Вероника опять потащила ее вверх. Через минуту сестры оказались на поверхности с задней стороны дома. Сагрит нигде не было видно. Не теряя времени, прямо сквозь стену они шагнули в Анжеликину комнату и остановились перед зеркалом.

В руке у Вероники появился маленький, кроваво-красный камешек. Она коснулась им стекла и начертала на нем знак, напоминающий восьмиконечный крест. Поверхность зеркала подернулась рябью и потемнела. Отражение исчезло. Навстречу им пахло холодом. Анжелика почувствовала, как от сильного ветра зашевелились волосы на ее голове.

– Не отставай! – приказала Вероника. – А то мы потеряем друг друга.

Она первая перешагнула через раму, Анжелика – за ней.

Едва сестры оказались в Зазеркалье, их подхватил мощный вихрь и увлек за собой в таинственную черноту потустороннего мира... Поначалу ничего нельзя было разглядеть. Они то ли падали, то ли неслись неведомо куда, и, судя по свисту ветра в ушах, с весьма приличной скоростью.

– Эй! – испуганно позвала Анжелика. – Ты где?

– Здесь! – откликнулась Вероника. – Не бойся, сейчас станет светлее.

Она оказалась права! Анжелика начала различать фигуру парившей рядом сестры, и вновь ухватила ее за руку. Но откуда взялся свет? Здесь не было ни солнца, ни луны, ни звезда. Но зато повсюду загорались и гасли искры фиолетового света, разрывавшие темноту подобно вспышкам молний.

– Мы уже в Аирбе? – спросила Анжелика.

Ей пришлось сильно напрячь голос, чтобы перекричать шум ветра.

– Нет – отвечала сестра. – Это Промежуток, Межмирье – царство первозданного Хаоса и не укрощенных энергий.

– А где Врата?

– Везде!

Действительно, тьма вокруг не была однородной. Каждая новая вспышка высекала из нее вращающийся сгусток мрака. Вытягиваясь прямо на глазах, он обращался в глубокую воронку. Количество их не поддавалось исчислению.

– И все они куда-то уводят, – крикнула Вероника. – Аирб безмерен. Так же, как и Асиат.

– А мы не заблудимся?

При мысли, что она может навсегда остаться в этом несимпатичном месте, Анжелике стало не по себе.

– Гамалиэль найдет дорогу! – уверенно произнесла Вероника и поднесла к лицу сестры ладонь с пылавшим на ней, словно уголек, алым камешком...

Спустя несколько минут сестер втянуло в узкую горловину, которая оказалась началом длинного и темного туннеля. Анжелика почувствовала, что их с невероятной, просто умопомрачительной скоростью уносит прочь от телесного мира. Сколько времени продолжался полет – целую вечность или всего несколько мгновений – она не знала. Единственное, в чем Анжелика не сомневалась, так это в том, что приятным их путешествие никак не назовешь. Ее донимало головокружение, то и дело подкатывала противная тошнота. Она находилась уже на грани обморока, когда Вероника сообщила: «Вот мы и прибыли...»

9. Жрицы Весты

Хотя Анжелика напряженно ожидала этого момента, она не смогла уловить, когда они покинули тоннель и оказались в ночном небе Вонайкеи. Никаких резких перемен при этом не произошло. Темнота осталась, но была другой. Сквозь редкую дымку просвечивали звезды (оказалось, что их в десятки, а то и в сотни раз меньше, чем на Земле). Маир давно скрылся за горизонтом, но небо продолжало светиться слабым, сумеречным светом, отражаясь, как в зеркале, в огромной чаше Озера. Берега окутывал густой мрак, лишь далеко впереди мерцала крохотная искорка света. Вероника указала на нее и сказала:

– Это окно Храмовой башни, где горит неугасимый огонь. Летим быстрее!

Раскинув руки, они заскользили вниз, словно спускаясь с высокой воздушной горы. Материализуясь в новой реальности, их тела постепенно обретали вес. И тут Анжелика с ужасом обнаружила, что способность летать, внезапно обретенная ею несколько часов назад, также неожиданно ее покидает. Не будь рядом сестры, она, скорее всего, упала бы еще на подлете к обители жриц Весты. Но Вероника, крепко обхватив ее за пояс, помогла перелететь через высокую остроконечную крышу, после чего они опустились на вымощенный каменной плиткой внутренний двор. Анжелика перевела дух и осмотрелась. Обитель отличалась внушительными размерами, и хотя большая часть ее скрывалась в темноте, благодаря горевшим там и здесь факелам, можно было сделать кое-какие заключения. Более всего место, в котором они оказались, напоминало старую крепость или, хуже того, – тюрьму. Это было тяжеловесное, мрачное здание в форме ромба с высокими башнями по углам.

– В Северной башне у нас приемный зал с магическим зеркалом, – сообщила Вероника, – Восточная служит птичником для тягловых птиц. В нижнем этаже Южной башни – дровяной склад, а на втором этаже – трапезная. Но сосредоточием всего Дома является Западная башня. Там находится святилище и горит неугасимый огонь...

Сестра еще продолжала свои объяснения, когда в дверях Храмовой башни (приземистого сооружения с четырехскатной черепичной крышей, внешне, ничем не примечательного) появились две девушки в одинаковых серых платьях. Одной из них на вид было лет двадцать, а другой – шестнадцать или семнадцать. Старшая держала в руках факел (пучок горящих лучин). Увидев Веронику и ее гостью, девушки дружно вскрикнули от удивления.

– Ты все-таки отправилась в Асиат, Ви! – воскликнула младшая с оттенком осуждения.

– Это было необходимо, – быстро произнесла Вероника. И, подумав, повторила с ударением:

– Совершенно необходимо! Видение оказалось знаком, и я верно разгадала его смысл. Познакомьтесь – это моя сестра Анжи.

Девушки испуганно посмотрели на Анжелику, словно она была выходцем с того света. («А ведь так оно и есть на самом деле!» – с удивлением отметила про себя Анжелика).

– Мария! – представилась та, что постарше.

– Марфа! – как эхо отозвалась младшая.

– Я едва увела ее от Сагрит, – сообщила Вероника, – она гналась за нами по патам, но мы сумели-таки улизнуть. А мама не успела... Теперь ее душа где-то здесь в Аирбе.

Марфа всплеснула руками и спросила:

– Кто мог ее похитить?

– Я пока не знаю, – сказала Вероника. – Но обязательно выясню это в ближайшее время. А где матушка?

– В Приемной зале! Час Явления уже наступил, – напомнила Мария.

– Мын-ли там же, вместе с ней, – добавила Марфа.

Я должна с ними увидеться, – объявила Вероника, – мы пойдем вместе.

Мария пожала плечами и направилась наискосок через двор к Северной башне. Девочки двинулись следом. В неровном свете горящих лучин перед Анжеликой последовательно предстали высокий портик с мраморными колоннами, кирпичная стена с узкими окнами и бассейн, куда собиралась дождевая вода. Мария отворила крепкую, обитую железом дубовую дверь и знаком пригласила следовать за собой. Через сени с высоким сводчатым потолком они прошли в темный коридор, освещенный редкими масляными лампадками.

– Все в порядке? – на ходу осведомилась Вероника.

– Слава богу! – отвечала девушка.

Чуть ли не от самых дверей до них стали доноситься тихие, меланхолические звуки арфы. С каждым шагом они делались все громче. В конце коридора была еще одна дверь. Мария бесшумно отворила ее и ввела сестер в просторный пустой зал с высоким потолком и без окон. Несколько фонарей, прикрытых колпаками из плотного матового стекла, светили, что называется «себе под нос». Напротив двери висело огромное зеркало, занимавшее почти всю стену. Никакой другой мебели в зале не оказалось. Только два табурета, на которых примостились две женщины лет 40-45 в серых платьях с неизменным факелом на груди. Та, что играла на арфе, была скуластой и узкоглазой с черными прямыми волосами. Анжелика видела ее впервые. Но невысокая худощавая женщина с мелкими красивыми чертами лица и темными живыми глазами была ей уже знакома – она видела ее в своем сне, когда та сидела в гондоле в окружении юных воспитанниц. Очевидно, это и была мать Зенобия. Услышав шум открывающейся двери, настоятельница повернула голову и кивнула Веронике. Потом она увидела Анжелику, и на лице ее промелькнуло выражение тревоги. Однако мать Зенобия ничего не сказала и даже поднесла палец к губам, призывая к молчанию. Что до ключницы Мын-ли, то та даже не взглянула в их сторону. Задумчиво перебирая струны, она не отрывала глаз от зеркала.

Анжелика проследила за ее взглядом и с удивлением обнаружила, что зеркальная поверхность на самом деле не отражает зала и стоящих напротив людей. Зато она увидела в зеркале искорки яркого, приятного света, вспыхивающие среди изумрудных и бирюзовых облаков. Но это были не лучи Маира и не отблески отраженного света, вроде солнечных зайчиков. Это были живые существа! Порхая в разных направлениях, они образовывали причудливые хороводы. Анжелика вопросительно взглянула на Веронику, ожидая от нее объяснений. Сестра наклонилась к самому ее уху и прошептала: «Ты же слышала: наступил час Явления! Сейчас зеркало не принадлежит нашему миру. В нем может отражаться что угодно, вплоть до образов далеких и недоступных реальностей...»

Пальцы Мын-ли задвигались быстрее, темп музыки стал постепенно нарастать, и прежнее изображение сменилось другим. Вместо ярких красок явилась чернота. Потом по ту сторону поверхности зеркала, то приближаясь к ней, то удаляясь (словно комары перед натянутой в окне сеткой), замелькали мириады крохотных светлячков. Порой один из них замирал на минутку и словно заглядывал в их мир. И тогда открывалось, что это никакой не светлячок, а ребеночек с маленькими ручками и ножками, озаренный золотистым сиянием. Мелодия Мын-ли сразу делалась мягче и призывнее. «Отбрось все сомнения, – пели струны, – и ступай к нам». Но призыв долго не находил отклика.

Постепенно рой светлячков по ту сторону зеркала начала редеть. Уставшая Мын-ли уже в сотый раз наигрывала призывный мотив. На ее широком, скуластом лице застыло выражение мольбы и надежды. Внезапно Анжелика заметила еще один огонек. Он был крупнее остальных и, в его движении ощущалась несвойственная другим душам уверенность. Словно повинувшись властному зову, он быстро промчался сквозь клубящуюся тьму, на мгновение замер перед магическим зеркалом, а потом решительно преодолел границу, разделяющую две стороны реальности. Мать Зенобия радостно воскликнула: «Наконец-то!». Мын-ли оставила арфу, и обе они поспешили к зеркалу, поверхность которого постепенно теряла свою прозрачность и вновь делалась зеркальной. На лотке перед ними лежала крупная девочка лет трех или даже

четырех с непропорционально огромной головой, высоким выпуклым лбом, узкими темными глазами и с острыми, как у собаки ушами. Волосы у нее были огненно-рыжие и нелепо торчали в разные стороны. Никогда прежде Анжелике не доводилось видеть подобных детей! Мать Зенобия была смущена не меньше ее. Дважды она прикладывала ладонь к груди и к голове вновь явившейся, закрывала глаза и что-то шептала про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.